

На правах рукописи

Досаева Глера Сулеймановна

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ
МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

**12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва - 2017

Работа выполнена на кафедре уголовного права в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Российский государственный университет правосудия»

Научный консультант: Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
Бриллиантов Александр Владимирович

Официальные оппоненты: **Козаченко Иван Яковлевич**
Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», заведующий кафедрой уголовного права

Лесников Геннадий Юрьевич
доктор юридических наук, профессор, ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний», главный научный сотрудник

Сидоренко Элина Леонидовна
доктор юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «**Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)**»

Защита состоится «16» мая 2017 года в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 170.003.01, созданного на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» по адресу: 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69, ауд. 910.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия». Диссертация и автореферат размещены на официальном сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» по адресу <http://www.rgur.ru>

Автореферат разослан «__» _____ 2017 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

С.П. Ломтев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. Нормативная регламентация, юридическая квалификация и теоретический анализ социально-правового феномена множественности преступлений порождает целый ряд сложных вопросов. К числу наиболее значимых при этом относятся: установление основных направлений генезиса уголовно-правовых предписаний относительно множественности преступлений; определение социальных оснований конструирования правовых предписаний о множественности преступлений и усиления ответственности за нее; институционализация соответствующих уголовно-правовых норм и оценка их достаточности для обеспечения полноценного и беспробельного уголовно-правового регулирования; принципиальное решение вопроса о соотношении общественной опасности множественности преступлений и опасности лица, совершающего несколько преступных деяний; теоретическое обоснование проблем разграничения множественности преступлений и единичного сложного преступления и некоторые другие.

Последовательный анализ и разрешение означенных проблем, формирование непротиворечивой, действенной и эффективной теоретической и нормативной концепции множественности преступлений являются актуальными требованиями современности. Отечественная наука призвана разработать новый подход к оценке множественности преступлений в поведении лица – подход, который сочетал бы в себе и всестороннюю оценку множественной преступной деятельности, и разумные ограничения наказуемости множественности, и качественное профилактическое воздействие на лиц, склонных к повторению преступлений, и гуманное отношение к личности, чей конфликт с уголовным законом исчерпан.

Особую значимость разработка новой концепции множественности преступлений приобретает в свете отчетливо наметившейся тенденции масштабного обновления отечественного уголовного законодательства. Существенные коррективы, внесенные на протяжении последних лет в кардинально обновленный в 1996 году правовой институт множественности преступлений, свидетельствуют о стремлении изменить нормативную модель оценки этого феномена. Однако,

урегулировав часть вопросов, закон одновременно поставил новые, еще более серьезные и сложные, вызванные самим характером вносимых изменений, их бессистемностью и противоречивостью. Общеизвестный кризис системных свойств уголовного закона и во многом связанная с этим утрата им эффективности были обусловлены, прежде всего, отсутствием концептуальных, системно связанных друг с другом решений ключевых проблем уголовно-правового противодействия преступности, в том числе и множественности преступлений. В этой связи теоретическая разработка конструкции множественности преступлений и ее аргументация в контексте системных взаимосвязей с иными уголовно-правовыми институтами может стать неотъемлемой частью поиска современных путей совершенствования уголовного права и уголовной политики.

Степень научной разработанности темы. Анализ новейшей библиографии по теме исследования показывает, что работ концептуального уровня, претендующих на создание относительно самостоятельной, оригинальной теории множественности, в российской науке практически нет, а частные аспекты проблемы множественности изучены далеко неравномерно.

Так, пристальное внимание уделяется специалистами рецидиву преступлений. Однако большая часть исследований в этой сфере сконцентрирована на проблемах криминологической характеристики и предупреждения рецидивной преступности (К.В. Аржаная, Ю.И. Бытко, Н.А. Коломытцев, А.П. Некрасов, С.В. Щербаков и др.).

Вопросы совокупности преступлений привлекают современных исследователей по преимуществу с точки зрения анализа проблем назначения наказания (Е.А. Борисенко, Н.Н. Крупская, Н.Н. Рогова, А.И. Рясков, О.А. Садовникова, С.Г. Спивак, Н.М. Становский и др.).

Проблемам квалификации преступлений при наличии множественности посвящены работы И.Б. Агаева, Е.Г. Васильевой, Т.А. Калининой, А.В. Козлова, Н.Н. Коротких, Е.Н. Швеца и др.

Среди обобщающих исследований, аккумулирующих в себе целостный комплекс проблем нормативного регулирования уголовной ответственности за

множественность преступлений, следует указать сочинения А.П. Козлова, Г.Г. Криволапова, Э.Г. Шкредовой. На уровне докторской диссертации проблематика множественности преступлений в России была поставлена трижды: В.П. Малковым в 1974 году, Ю.А. Красиковым в 1989 году и Т.Г. Черненко в 2001 году.

Такая ситуация не может быть признана в полной мере удовлетворительной. Накопленный наукой опыт анализа отдельных аспектов множественности преступлений сегодня объективно нуждается в обобщении и создании на этой основе новой теоретической концепции.

Объектом диссертационной работы выступает уголовно-правовое явление множественности преступлений.

Предмет исследования включает в себя основные направления генезиса нормативных конструкций множественности преступлений; содержание, признаки, формы множественности преступлений; множественность преступлений как социально-правовой феномен и его отражение в законодательстве, судебной практике и уголовно-правовой доктрине.

Цель диссертации состоит в аргументации логически цельной теоретической концепции уголовно-правового института множественности преступлений, основанной на идее дифференцированной оценки общественной опасности множества деяний и лица, их совершающих.

Достижение поставленной цели обусловило постановку и решение следующих поисковых задач:

- проанализировать процесс становления и развития уголовно-правовых средств реагирования на множество преступлений, совершаемых одним лицом;
- установить основные направления развития науки уголовного права в части оценки множественности преступлений, оценить вклад различных уголовно-правовых школ в определение современной конфигурации института множественности преступлений;
- выявить наличие и структуру уголовно-правового института множественности преступлений, определить место данного института в системе современного российского уголовного права и дать его теоретическое обоснование;

- проанализировать социально-криминологические основания института множественности преступлений, выявить реальные криминологические тенденции множественной преступной деятельности;

- уточнить понятие и признаки множественности преступлений, сформулировать критерии отбора тех или иных сочетаний преступлений для их фиксации в качестве формы множественности;

- определить содержание принципов уголовно-правового института множественности преступлений;

- разработать критерии отграничения ситуаций, требующих оценки с позиций института множественности преступлений, от случаев наличия повышенной общественной опасности личности виновного;

- аргументировать необходимость учета судимости лица за рамками института множественности через призму учения о личности виновного и посредством нормативной конструкции «рецидивист».

Нормативной основой диссертации выступают положения Конституции Российской Федерации, постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, являющиеся частью российской правовой системы нормы и принципы международного права (прежде всего, принцип «non bis in idem», как он интерпретирован в постановлении Европейского суда по правам человека в деле «Сергей Золотухин против Российской Федерации»). В работе подвергнуты анализу предписания уголовного (УК РФ 1996 г.), уголовно-исполнительного (УИК РФ 1997 г.), уголовно-процессуального (УПК РФ 2001 г.) законодательства России, а также положения иных нормативных актов (в т.ч., Закон РФ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» 2011 г. и др.).

Для обеспечения сравнительно-правовых направлений исследования изучены положения уголовного законодательства ряда зарубежных стран (ФРГ, Швейцарии, США, Эстонии, Беларуси, Украины, Узбекистана, Грузии).

Теоретическую базу диссертации составили:

1) основные положения теории преступления, наказания и дифференциации уголовной ответственности, разработанные А.В. Бриллиантовым, Н.Д. Дурмановым, А.Э. Жалинским, Л.Л. Кругликовым, В.Н. Кудрявцевым, Н.Ф. Кузнецовой, Г.Ю. Лесниковым, А.В. Наумовым, А.А. Пионтковским, Т.Г. Понятовской, Ю.Е. Пудовочкиным, А.И. Рарогом, Э.Л. Сидоренко, В.Д. Филимоновым, Б.В. Яценко и др.;

2) учение об истории уголовного права и уголовно-правовой компаративистике, сформированное трудами А.А. Арямова, Г.А. Есакова, И.Д. Козочкина, В.В. Кулыгина, В.А. Рогова, А.А. Рожнова, Г.С. Фельдштейна, Э.Г. Шкредовой и др.;

3) уголовно-правовое учение о множественности преступлений, разработанное М.И. Бажановым, С.П. Бузыновой, Р.Р. Галиакбаровым, П.Ф. Гришаниным, А.П. Козловым, К.А. Панько, В.П. Малковым, Т.Г. Черненко, А.М. Яковлевым и др.;

4) криминологическое учение о профессиональной, рецидивной преступности и личности преступника, оформленное в работах Г.А. Аванесова, Ю.М. Антоняна, К.В. Аржаной, Ю.И. Бытко, А.Я. Гришко, А.И. Гурова, Н.А. Коломытцева, С.Я. Лебедева и др.

Эмпирическая основа исследования включает в себя:

- исторические памятники российского уголовного права (УК РСФСР 1960 г., 1926 г., 1922 г., Уголовное Уложение 1903 г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Военские Артикулы 1715 г., Соборное Уложение 1649 г., Судебники 1550 г. и 1497 г., Русская Правда), на основе которых можно судить о степени сформированности института множественности преступлений и его связях с иными правовыми предписаниями;

- материалы научных дискуссий по вопросам строения и систематики уголовного права (II Российский Конгресс уголовного права «Системность в уголовном праве», 31 мая – 1 июня 2007 г.), квалификации составных насильствен-

ных преступлений (Верховный Суд РФ, 24 апреля 2014 г.), квалификации совокупности преступлений (Российский государственный университет правосудия, 24 марта 2015 г., Хабаровский краевой суд, 26 марта 2015 г.);

- результаты экспертного опроса 270 человек; в их числе 48 прокуроров, поддерживающих государственное обвинение в судах, 147 судей, специализирующихся на рассмотрении уголовных дел, 75 преподавателей уголовного права и криминологии в юридических вузах (опрос проводился в Ростове-на-Дону, Ставрополе, Владикавказе, Краснодаре, Москве, Тамбове);

- постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам, относящимся к теме исследования (20 постановлений);

- итоги обобщения опубликованной судебной практики Верховного Суда РФ, обзоры кассационной и надзорной практики Верховного Суда РФ, а также постановления Президиума и определения Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам (1997 – 2015 г.);

- данные, полученные при изучении 350 уголовных дел, рассмотренных судами Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев.

В процессе сбора и анализа источников первичной научной информации использован также личный опыт работы автора в качестве председателя суда и судьи Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону.

Методологическая основа диссертационной работы включает комплекс современных методов научного познания социально-правовых явлений, который опирается на принципы объективности, всесторонности, историзма, системности, всеобщей взаимосвязи явлений, конкретности истины.

В диссертации используются общенаучные методы и приемы обработки данных: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, классификация. Частнонаучными методами, использованными в работе, выступают: логико-юридический (догматический), историко-правовой, сравнительно-правовой, метод анализа документов, экспертный опрос, методы статистического наблюдения, сводки и группировки, статистического количественного анализа.

Научная новизна диссертации состоит в аргументации теоретической концепции институционального (структурного и содержательного) оформления правовых предписаний о множественности преступлений в системе российского уголовного права. В ее основе – понимание множественности в качестве такой правовой ситуации совершения нескольких преступлений и назначения нескольких наказаний, которая требует определения итоговой меры уголовно-правового воздействия, исходя из необходимости дифференцированной оценки опасности множества деяний и опасности личности виновного. Такая концепция предполагает не только уточнение критериев множественности, но и обоснование необходимости ограничения существующего в настоящее время подхода к ее правовой регламентации.

Новизной характеризуется целый ряд положений и выводов, сформулированных в диссертации, в частности:

- определены исходные установки общественного правосознания, формировавшие содержание норм обычного права в части либеральной оценки множественной преступной деятельности;

- выявлены уголовно-правовые предпосылки формирования на рубеже XIV – XV вв. идеи усиления уголовного наказания при множественности преступлений;

- доказана зависимость нормативных оценок множественности преступлений от господствующих представлений о сущности преступления, его причин, сущности и целей наказания;

- установлена корреляция идейных предпосылок классической и социологической школ уголовного права с конструктами множественности, основанными соответственно на представлениях об опасности преступления и личности виновного;

- аргументирована недостаточность и ограниченность имеющихся правовых элементов для решения вопросов множественности в современном уголовном праве;

- установлен искусственный характер разрыва между реальным состоянием множественности преступлений и ее статистическим отражением, обусловленный несоответствием нормативных конструкций представлениям о детерминации множественности;

- разработана классификация теоретических подходов к определению институциональной характеристики множественности преступлений, дана авторская трактовка содержания, структуры, видовой характеристики института множественности и его места в системе уголовного права;

- сформулированы специальные принципы института множественности преступлений;

- выявлена регулятивная недостаточность нормативного материала в институте множественности преступлений;

- обоснованы перспективы развития института множественности преступлений, в том числе за счет отказа от конструкции совокупности приговоров и изменения уголовно-правовой оценки рецидива.

Положения, выносимые на защиту:

1. Множественностью преступлений признается совершение лицом нескольких преступлений, когда возникает необходимость определить размер и порядок отбывания наказаний, назначенных за каждое из них. В силу этого множественность имеет место, если: а) лицо совершает несколько преступлений и привлекается к ответственности сразу за все эти деяния; б) после вынесения приговора становится известным о том, что до этого лицо совершило еще одно или несколько преступлений; в) после вынесения приговора лицо совершает одно или несколько новых преступлений.

2. Криминологические реалии свидетельствуют об объективном росте случаев совершения одним лицом нескольких преступлений, в то время как уголовный закон искусственно ограничивает сферу контроля множественной преступной деятельности лишь некоторыми сочетаниями преступлений, что в статистическом отношении позволяет продемонстрировать сокращение показателей множественности преступлений. Такое несоответствие отражает глубокий раз-

рыв в основаниях и целях уголовно-правового и криминологического контроля над множественной преступной деятельностью. Если в первом случае во главу угла ставится преступление и наказание за него, то во втором – личность и индивидуальная профилактика. Однако игнорирование специфических особенностей личности преступника, совершающего несколько преступлений, в построении правового института множественности углубляет разрыв между криминологической и уголовно-правовой оценкой множественности, делает уголовно-правовой контроль множественности искусственно-отвлеченным, формализованным, а потому и неэффективным.

3. Потребность в уголовно-правовых предписаниях относительно множественной преступной деятельности возникает, если: а) лицо совершило два и более самостоятельных преступных деяния, каждое из которых содержит отдельный состав преступления; б) сохраняется наличие, как минимум, двух параллельно развивающихся уголовно-правовых отношений; в) при одновременном совершении нескольких поведенческих актов эти деяния не связаны функциональной или причинной связью, не отражают единых намерений, не являются типичным, устойчивым и распространенным сочетанием, не сопровождаются увеличением общественной опасности всего содеянного; г) лицо совершает второе преступление (не важно, при какой форме вины и соотношении с первым деянием), имея неисполненное (или не полностью исполненное) наказание за первое преступление; д) лицо совершает до осуждения несколько преступлений, что порождает потребность в определении итогового наказания, которое следует отбывать преступнику. Иные ситуации (в частности, совершение преступления лицом, отбывшим наказание, но имеющим судимость) требуют решения иных задач, не связанных с определением размера итогового наказания, назначенного за несколько преступлений. Для этого необходима оценка личности виновного, склонного к совершению нескольких преступных деяний, а, следовательно, сами эти ситуации не могут рассматриваться в контексте института множественности преступлений.

4. В структуре отрасли уголовного права нормативные предписания о множественности преступлений представлены двумя группами: а) предписаниями о назначении наказания, которые регулируют специфическую разновидность отношений внутри общего процесса регламентации назначения наказания, и составляют субинститут института назначения уголовного наказания; б) предписаниями о понятии и видах множественности преступлений, которые регулируют самостоятельный вид отношений, связанных с совершением лицом нескольких преступных деяний, и по своей природе составляют институт уголовного права. Такая модель содержит в себе потенциал роста для предписаний относительно назначения наказания при множественности, оставляя им возможность эволюционировать в сторону полноценного правового института. Два отмеченных структурных отраслевых образования по итогам вторичной перегруппировки правовых институтов могут рассматриваться в качестве комплексного института множественности преступлений.

5. Установлена следующая система принципов уголовно-правового института множественности преступлений: самостоятельности оснований ответственности при любом количестве совершенных преступлений; не обязательного, а лишь возможного усиления репрессивности уголовного закона при совершении нескольких преступлений; дифференциации ответственности за множество преступлений; соблюдения разумного баланса в оценке опасности деяния и личности преступника при дифференциации ответственности за множественную преступную деятельность; приоритета поглощения наказаний при их определении за множественность перед сложением, а также приоритета частичного сложения наказаний перед полным сложением.

6. Формирование правового института множественности преступлений определялось и определяется динамикой представлений о сущности преступления и наказания. В первых памятниках отечественного права не содержалось формализованной оценки множественности преступлений, основанной на количестве и «качестве» совершенных преступлений. Множественность признавалась обстоятельством, которое негативно характеризует личность виновного, свиде-

тельствующая о его повышенной опасности и привычке к преступлениям. Условия для институционализации предписаний о множественности преступлений складывались в период XIV–XVII столетий и включали в себя утверждение взгляда на преступление как на нарушение публичного правопорядка, понимание наказания как устрашающей меры предупреждения преступлений и модификацию самой системы наказаний в направлении появления в ней делимых видов. Подход к преступлению как нарушению нормы права способствовал становлению понимания общего объекта преступлений, которому причиняется множественный вред множеством преступлений; отсюда, согласно специальному принципу равного воздаяния наказанием за преступление, объем наказания и ответственности ставился в прямую зависимость от количества преступных деяний, в то время как свойства личности виновного отходили на второй план.

7. В XIX столетии работы по систематизации и кодификации российского уголовного законодательства стимулировали научное (формально-юридическое, догматическое) осмысление множественности преступлений, однако не как части учения о преступлении, а как феномена, относящегося к области учения о назначении наказания. Отечественное законодательство и доктрина, хотя и находились в системе координат, заданных классической школой уголовного права, тем не менее признавали объектом карательной деятельности государства не деяние, а личность преступника, а потому не требовали абсолютного соответствия объема наказания количеству преступлений, придерживались взгляда на множественность, как на обстоятельство, которое должно учитываться в совокупности с иными фактическими данными по делу, отражающими опасность совершенных преступлений и особенности личности виновного.

8. В отличие от предшествующего периода, развитие уголовного законодательства в начале XX века во многом определялось влиянием социологической школы уголовного права, идеи которой не способствовали разработке детализированных правил уголовно-правовой оценки множественной преступной деятельности. Специфической особенностью советского права стало нормативное оформление классификации преступников по степени их опасности, что способ-

ствовало формированию представлений об опасном состоянии личности как основе усиления ответственности и вносило внутренние противоречия в и без того противоречивую систему форм множественности преступлений. Итогом развития уголовно-правового учения о множественности преступлений в конце XX века стало закрепление за ним статуса составной части учения о преступлении, что предполагало отказ от учета личностных особенностей преступника при определении форм множественности и заложило основы для формализованной системы учета множественности.

9. Понимание множественности преступлений как обстоятельства, характеризующего личность виновного, и как объективного фактора, никогда не были реализованы в отечественном законодательстве в «чистом» виде. Ни один из этих подходов сам по себе не в состоянии обеспечить целостной и непротиворечивой концепции правового регулирования ответственности за множественную преступную деятельность. Вместе с тем, к настоящему времени в отечественном законодательстве баланс между ними нарушен и смещен в сторону преимуществ, представляемых классической школой уголовного права, что привело к недооценке данных о личности виновного.

10. Действующий уголовный закон в части регламентации множественности преступлений содержит пробелы. В частности: не сформулировано общее понятие множественности; не детализированы критерии отграничения множественности преступлений от единичного сложного преступления; не дана точная классификация видов совокупности преступлений; представлены не все правила квалификации совокупности преступлений; не определен момент осуждения лица; не решен вопрос о правовом значении осуждения за преступление по приговору иностранного государства; не определена последовательность учета правил назначения наказания при рецидиве и наличии иных специальных обстоятельств; не решен вопрос о согласовании и порядке последовательного применения положений ст. 69 УК РФ и статей 73, 79, 80 УК РФ; не согласованы положения закона о рецидиве преступлений и возможности распространения правил об ответственности несовершеннолетних на лиц в возрасте от 18 до 20 лет.

Для устранения указанных недостатков в рамках авторской концепции множественности преступлений в диссертации разработаны новые теоретические положения относительно предмета исследования, а также предложения по совершенствованию уголовного закона и практики его применения. В частности, предлагается:

- исключить из Уголовного кодекса РФ статью 17 и статью 18; дополнить Уголовный кодекс РФ Главой 3.1 «Множественность преступлений», включив в нее статьи: 18.1 «Понятие множественности преступлений», 18.2 «Обстоятельства, исключающие множественность преступлений», 18.3 «Виды множественности преступлений»;

- исключить из Уголовного кодекса РФ статью 68 и статью 70; статью 69 изложить в новой редакции; дополнить Уголовный кодекс РФ главой 10.1 «Рецидивист», включив в нее статьи: 74.1 «Понятие рецидивиста», 74.2 «Назначение наказания лицу, признанному рецидивистом», 74.3 «Назначение наказания лицу, не признанному рецидивистом»;

- пункт п. «а» части 1 статьи 63 Уголовного кодекса изложить в следующей редакции: «а) совершение преступления лицом, имеющим судимость»; исключить из Уголовного кодекса РФ часть 5 статьи 131, часть 5 статьи 132, часть 6 статьи 134, часть 5 статьи 135, часть 2 статьи 204.2, часть 2 статьи 291.2.

11. Исходной посылкой для развития теории и практики уголовно-правового противодействия множественности преступлений выступает категоричное различие понятий «общественная опасность преступления» и «общественная опасность личности преступника». Совершение нескольких преступлений всегда свидетельствует о повышенной опасности личности, приводит к аккумуляции опасности этих нескольких преступлений, но не может свидетельствовать о возрастании общественной опасности каждого отдельно взятого преступления. В связи с этим в оценке ситуации совершения нового преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление, наибольшим познавательным, объясняющим и регулирующим потенциалом обладает теория,

признающая рецидив не формой множественности преступлений, а специфическим свойством личности виновного.

12. Совершенствование уголовно-правового регулирования последствий совершения преступления лицом, имеющим судимость, предполагает: возврат к концепции рецидивиста; признание рецидивистом лица, которое совершает умышленное преступление, кроме преступления небольшой тяжести, имея судимость за ранее совершенное им в возрасте старше восемнадцати лет умышленное преступление, кроме преступления небольшой тяжести, при условии если совершаемые преступления предусмотрены одной статьей или частью статьи Особенной части УК РФ; предоставление суду права признания (непризнания) лица рецидивистом; закрепление классификации рецидивистов в уголовно-исполнительном законодательстве в зависимости от степени их общественной опасности; установление единого подхода к определению минимального срока наказания для рецидивистов различных групп.

13. Не является множественностью преступлений рецидив, не отягощенный совокупностью приговоров. Рецидив, отягощенный совокупностью приговоров, собственно совокупность приговоров и совокупность преступлений требуют решения общей задачи определения итогового наказания. Вместе с тем, предусмотренные законом различия в порядке, процедуре и итоге ее решения не являются принципиальными, в силу чего все эти сочетания деяний могут быть объединены в рамки единой конструкции множественности преступлений. В этой связи выделяется два вида множественности преступлений: а) совершение лицом двух или более преступлений, ни за одно из которых оно не было осуждено; б) совершение нового преступления лицом, не отбывшим наказание, назначенное за ранее совершенное преступление.

14. Множественность в уголовном праве образуют только деяния, криминализация которых не зависит от качеств и свойств лица, их совершающего. Исходя из этого, использование приема административной преюдиции при конструировании составов преступлений и дифференциация уголовной ответственности на основании признака судимости лица, совершившего преступление, не

могут быть признаны элементами института множественности. Соответствующие обстоятельства, отражающие перепады в общественной опасности личности и ее специализацию на совершении однотипных правонарушений, должны быть учтены в рамках нормативной концепции оценки личности виновного.

Теоретическое значение результатов исследования заключается в том, что в своей совокупности они создают логически цельное учение о множественности преступлений. Предложенная концепция содержит критерии разграничения случаев наличия повышенной общественной опасности личности виновного от случаев собственно множественности преступлений; уточняет представления о строении и структуре уголовно-правового института множественности, его месте в системе уголовного права; содержит предложения, направленные на решение текущих задач квалификации множественности преступлений и перспективных проблем реформирования уголовного законодательства. Сформулированное в диссертации понятие множественности преступлений, положения и выводы относительно строения и структуры этого уголовно-правового института углубляют содержание таких разделов науки, как история уголовного права, система уголовного права, понятие преступления; тем самым диссертация способствует развитию уголовно-правовой теории в целом.

Прикладная ценность диссертации состоит в том, что ее основные выводы и положения:

- способны обеспечить информационно-аналитическую поддержку практики совершенствования уголовного законодательства и разработки соответствующих законопроектов;

- содержат рекомендации представителям правоохранительных органов по квалификации множественности преступлений и отграничению множественности от сложных единичных преступлений;

- используются в учебном процессе при преподавании курсов уголовного права, а также в работе по повышению квалификации судей и сотрудников правоохранительных органов.

Апробация результатов и основных выводов исследования осуществлялась в процессе их обсуждения на научных конференциях, посредством публикации в юридической печати, использования в учебном процессе и правоприменительной деятельности, о чем свидетельствуют акты о внедрении.

Результаты диссертационного исследования докладывались соискателем на 13 конференциях: Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона (М., Российский государственный университет правосудия, 2014, 2015, 2016 гг.); Проблемы Российской уголовной политики (Краснодар, Краснодарский университет МВД России, 2014, 2015, 2016 гг.); Уголовный закон: проблемы теории и практики применения (Иркутск, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, 2015 г.); Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью (Краснодар, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, 2015 г.); Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики (Симферополь, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2015 г.); Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: Теория и практика (Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2014 г.); Преступление в сфере экономики: российский и европейский опыт (М., Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015 г.); Судебная власть: ее роль и значение в истории России (к 150-летию Судебной реформы 1864 года) (Ростов, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Ростовский областной суд, 2014 г.); Проблемы раскрытия и расследования налоговых преступлений. (Ростов-на-Дону, Следственный комитета Российской Федерации в г. Ростове-на-Дону, 2011 г.).

Отдельные положения работы внедрены в учебный процесс Российского государственного университета правосудия, Института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Академии следственного комитета Российской Федерации», юридического факультета Ростовского государственного университета экономи-

ки (РИНХ); используются в практической деятельности Северо-Кавказского военного окружного суда, Ростовского областного суда, Верховного Суда Республики Ингушетия, Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону, Ставропольского краевого суда, прокуратуры города Ростова-на-Дону, Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ростовской области.

По теме диссертации опубликовано 44 работы том числе, 19 статей в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ для публикации основных положений докторской диссертации, общим объемом публикаций, в которых отражены основные научные результаты диссертационного исследования составляет 92,5 п.л., из них личный вклад составляет 71,4 п.л. (8 публикаций выполнены в соавторстве).

Структура работы определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, двух разделов, содержащих четыре главы, заключения, библиографии и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются его цели и задачи, определяется объект и предмет анализа, дается характеристика нормативной, теоретической, эмпирической и методологической основ диссертации, формулируются положения, выносимые на защиту, доказываются их научная новизна, теоретическая и прикладная значимость.

Раздел I «Эволюция уголовно-правового института множественности преступлений» включает в себя две главы.

Глава I «Генезис уголовно-правовых норм о противодействии множественности преступлений в России X – начала XX века» посвящена исследованию проблем зарождения и нормативного оформления идеи уголовно-правового противодействия множественности преступлений в отечественном праве X – конца XVIII (§1) и XIX – начала XX веков (§2).

Отправной точкой историко-правового анализа послужили нормы обычного, «живого» права восточных славян, нашедшие свое выражение во множестве фольклорных форм (символах, обычаях, пословицах и поговорках). Источники обычного права фиксируют не только факт вечного существования преступности, но и потенциальную возможность каждого лица совершить преступление. При этом причины преступного поведения народная мудрость усматривала по преимуществу в человеческой слабости, влиянии темных сил, бедности. Криминальные детерминанты такого содержания мало подвержены социальной корректировке и тем более неустранимы посредством наказания, а потому народное сознание достаточно спокойно реагировало на повторяемость преступлений. Множественная преступная деятельность воспринималась как проявление духовной слабости человека и известной предопределенности свыше. В силу этого обычные нормы не связывали с множественностью преступных деяний множественность наказаний или их обязательное усиление.

Такой взгляд на сущность и значение множественности отчетливо отразился в письменных актах ранней истории уголовного права. Русская Правда не знает множественности преступлений. Представленный в ней взгляд на пре-

ступление и наказание как на явления, связанные по преимуществу с личностью виновного и потерпевшего, далекие от публичного правового порядка и слабо дифференцированные от так называемых «горизонтальных» частно-правовых деликтов, не способствовал формированию оценки преступления, исходя из количества совершенных «обид». В условиях, когда преступление это, прежде всего, частная «обида», объектом причинения вреда в которой выступает то или иное конкретное лицо; а наказание – хоть и лимитированная, но все же «месть» и возмещение за причиненный вред, опасность преступления определялась видом и объемом этого вреда, но не количеством случаев его причинения.

Интуитивно русское право понимало объективно более высокую опасность причинения вреда нескольким объектам. Но реагировало на это особым образом. Если разный по качеству вред причинялся одному потерпевшему лицу либо если причинение вреда одному лицу фактически означало посягательство на несколько объектов, Русская Правда фиксировала сложные двухобъектные составы преступлений с более высокой санкцией (кража из закрытого помещения). В то же время причинение вреда нескольким различным потерпевшим как количественный признак множественности преступлений не могло в Русской Правде приобрести качества принципиально нового юридического феномена, поскольку в общественном и правовом сознании отсутствовало понимание единства общего для всех этих деликтов объекта – существующего в государстве правопорядка. К тому же и наказание в эпоху Русской Правды никак не преследовало цели исправления осужденных и предупреждения преступлений, в связи с чем второе и последующие преступления лица не могли восприниматься в качестве свидетельства его особой порочности, требующего усиления взысканий. Лишь позднее, когда в оценке преступления утвердился и будет доминировать факт нарушения установленных правовых норм, когда явно или неявно будет оформлено и воспринято понятие общего для всей страны порядка, а предупреждение преступлений будет заявлено одной из главных целей уголовного наказания и права вообще, множественная преступная деятельность получит качественно иную оценку.

Такой взгляд на преступление и наказание утверждается в России в XIV –

XV веках (Двинская уставная грамота, Псковская Судная грамота). Именно в это время впервые отчетливо фиксируется факт необходимости усиления уголовного наказания в случае совершения лицом нескольких преступлений. В качестве предпосылок к формированию института множественности выступают следующие факторы социальной и правовой жизни Московской Руси:

1) Утверждение взгляда на преступление как на деяние, причиняющее вред не отдельному частному лицу, а всему обществу и государству, с неизбежностью должно было сопровождаться формированием представлений о публичном правовом порядке как общем объекте всех преступных посягательств. Как следствие, должно было формироваться понимание того, что многократная преступная деятельность причиняет множественный вред одному и тому же общему объекту, который в этой ситуации требует усиленной защиты. В этом случае совершение нескольких преступлений уже воспринималось не просто как причинение вреда нескольким потерпевшим, а как множественное причинение вреда праву, все более ассоциирующемуся с законом и восходящему, в конечном итоге, к личности верховного правителя.

2) Углубление представлений о вине и воле преступника, которое происходило при сильном влиянии церкви и ее судебной деятельности, способствовало становлению идеи ранжирования преступлений по степени опасности в зависимости от «качества и количества» злой воли преступника.

3) Развитие учения о свободе воли способствовало, естественно, не кардинальной, но все же коррекции представлений о причинах совершения преступлений, которые усматривались теперь не только в области мистического и сверхъестественного, но и непосредственно в личности преступника, складе его характера, ценностных ориентациях, настроениях и т.д.

4) Все отмеченное выше закономерно сопровождалось трансформацией представлений о сути и назначении уголовного наказания. Будучи следствием интенсификации представлений о вине и воле, конструирование наказаний, воздействующих на личность, сопровождалось и постановкой перед наказанием ранее несвойственных ему целей, прежде всего, цели устрашения лиц, склонных к

преступлениям, исправления преступников, и тем самым – предупреждения преступности.

Следуя внутренней логике развития уголовного права, определяющей взгляд на преступление как на порождение злой воли преступника, а на наказание – как на средство одновременно и исправления, и защиты публичного порядка, нормативные акты XV–XVI столетий вполне отчетливо противопоставляют единичные преступления множественной преступной деятельности, однако в понимании и оценке последней основное внимание уделяют не количеству и видам совершенных деяний, а личности виновного. Неслучайно, центральная категория нормативных документов эпохи – «ведомый лихой человек».

Однако к XVI–XVII вв. (период в криминологическом отношении отмечен интенсивными процессами роста объемов и уровня опасности преступности) прежней системы построения ответственности за множественность преступлений, основанной на категории «ведомого лихого татя» было уже недостаточно. Окончательное оформление концепции преступления как деяния общественно опасного, антигосударственного, повлекло за собой и трансформацию представлений об уголовном наказании в направлении признания его сущностью кары, возмездия со стороны государства за неисполнение установленных им предписаний. На этом фоне в сфере уголовно-правового мышления и практики оформляются две взаимосвязанные идеи: необходимость обеспечения соответствия (вплоть до формализованного равновесия) между преступлением и наказанием и переход от концепции *personjustiz* к концепции *tatjustiz*, то есть к правосудию и закону, в большей степени ориентированному на характеристики совершенного общественно опасного деяния (в том числе и их количества), нежели на свойства личности виновного. В такой уголовно-правовой системе основой назначения уголовного наказания оформляется предельно четкое понимание именно преступления, а не личности виновного.

Выразителем принципиально нового подхода к сущности уголовного права и уголовного правосудия стало Соборное Уложение 1649 года. Зафиксированные в нем изменения двух центральных категорий уголовного права – преступ-

ления и наказания – не могли не повлечь за собой и трансформации законоположений о множественности. В области конструирования соответствующих уголовно-правовых норм это нашло выражение в отказе уголовного законодателя середины XVII столетия от категории «лихой» и в установлении более зримой, рельефной связи между количеством преступлений и размером (видом) наказания. Произошло вполне четкое различие опасности деяния и опасности личности преступника; своего рода отрыв преступления и наказания от личности преступника и потерпевшего; перенос преступления и наказания в область юридических абстракций, требующих паритетного соотношения; признание самоценности правопорядка; фиксация именно преступления в качестве основания и мерила ответственности виновного.

Дальнейшее развитие уголовно-правовых норм о множественности преступлений шло по пути лишь уточнения отдельных признаков и понятий, кристаллизации форм, детализации правил назначения наказания. Даже активная законотворческая деятельность Петра I практически не отразилась на известных нормативных конструкциях рецидива и совокупности (неоднократности). Обобщенная оценка содержания Воинских Артикулов 1715 г. и некоторых иных нормативных актов XVIII в. показывает, что наиболее существенная трансформация института множественности состояла в либерализации законодательного подхода к наказуемости множественной преступной деятельности (смертная казнь устанавливалась лишь за четвертый случай воровства). Причина тому – не только специфические особенности уголовной политики абсолютизма, в большей степени, ориентированной на предупреждение политических преступлений, которым несвойственна множественность, нежели общеуголовных, где множественность встречается существенно чаще. Более близкую причину следует искать в изменении системы уголовных наказаний – появлении в ней значительно числа наказаний, которые могли быть измерены и дозированы (лишение свободы, ссылка, каторга, членовредительские наказания, пени). Это позволило обеспечить более дифференцированный подход к наказуемости множественности, в том числе и некоторое общее смягчение правил, несмотря на то, что в це-

лом Воинские Артикулы по степени строгости заложенных в них санкций намного превосходили все предшествующие правовые документы русского права. Это же изменение в видах наказаний породило в последующем и потребность в разработке системы предписаний относительно их сочетания между собой, сложения, поглощения, и тем самым способствовало как более четкому разграничению совокупности и неоднократности преступлений, так и совершенствованию правил о множественности вообще.

По итогам исследования вопроса о генезисе нормативных предписаний о множественности преступлений в русском праве X–XVIII веков, в работе сформулированы следующие тезисы:

- усиление ответственности за множественную преступную деятельность и формирование уголовно-правового института множественности преступлений напрямую определялось динамикой представлений о сущности преступления и наказания в общественном и правовом сознании;

- магистральное направление эволюции правовой конструкции множественности преступлений состояло в движении от непризнания необходимости усиления наказания за множественную преступную деятельность – через усиление наказуемости деяний, совершенных отдельными категориями лиц, склонных к совершению преступления и потому опасных для общества – к установлению паритетного соотношения между преступлением, их количеством, и наказанием, его объемом;

- уголовно-правовыми предпосылками нормативного оформления специальных предписаний о множественности преступлений выступили сложившиеся к середине XVII столетия понимание преступления как нарушения публичного правопорядка и понимание наказания как устрашающей меры предупреждения преступлений, а также модификация самой системы наказаний в направлении появления в ней делимых видов наказаний;

- развитие уголовно-правовых предписаний о множественности преступлений в период Средневековья и Нового времени характеризовалось экстенсивным распространением правил усиления наказания, ограниченных первоначаль-

но группой имущественных преступлений, на более широкий круг посягательств, с одновременным сохранением казуистичной формы их изложения, что отражало особенности процесса формирования права (а потому не должно оцениваться в качестве недостатка правовых источников) и позволило к концу XVIII столетия накопить достаточно опыта для последующей качественной трансформации исследуемых законоположений.

Развитие отечественного уголовного права к XVIIIв. привело к появлению столь значительного числа уголовно-правовых предписаний, что они своей совокупностью стали представлять хаотичное и бессистемное нагромождение указов и постановлений. Необходимость в новом уголовном законе была удовлетворена лишь в 1832 г. с изданием тома XV Свода законов.

С точки зрения историко-правового анализа важно подчеркнуть особую значимость тома XV Свода законов не столько для содержательного развития предписаний о множественности, сколько для формирования соответствующего правового института. Именно этот нормативный документ:

- определил уголовно-правовое значение множественности преступлений как обстоятельства, усиливающего уголовное наказание, при совершении любого преступления, тем самым признав принадлежность положений о множественности преступлений области Общей части уголовного права;

- достаточно прочно связал нормативные предписания о множественности преступлений с институтом назначения уголовного наказания, а не с институтом преступления, что объяснялось, очевидно, прикладной ролью исследуемых предписаний в механизме уголовно-правового регулирования;

- структурно обособил предписания о множественности преступлений и ее уголовно-правовых последствиях в структуре закона.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года знало два вида множественности преступлений: повторение (которое фактически охватывало собой рецидив и неоднократность) и совокупность (этот термин уже прямо использовался в законе). Повторением признавалось совершение не только тождественных, но и разнородных преступлений; причем повторение образовывали

и случаи совершения второго преступления при отсутствии или после аннулирования правовых последствий первого преступления. Совокупностью признавались ситуации, «когда подсудимый был признан виновным в учинении нескольких в одно или разное время дотоле еще ненаказанных и давностью или же общим или особенным прощением непокрытых противозаконных деяний».

Система нормативной регламентации множественности преступлений, представленная в Уложении 1845 г., не была идеальной и уже современники замечали целый ряд ее недостатков, которые препятствовали эффективному и справедливому разрешению уголовных дел. Постепенному совершенствованию законодательства, которое проходило в направлении уточнения признаков отдельных форм множественности, в более четком обособлении их друг от друга, в попытках конструирования некоторых новых форм множественности, в корректировке правил назначения наказания при совершении нескольких преступлений, во многом способствовала российская уголовно-правовая наука, переживавшая подлинный расцвет во второй половине XIX – начале XX столетий.

Место формирующегося учения о множественности преступлений в структуре научного уголовно-правового знания XIX столетия было определено расположением соответствующих нормативных предписаний в структуре уголовного законодательства. В силу этого множественность составляла по преимуществу часть учения о назначении уголовного наказания. Однако некоторые авторы (Н.А. Неклюдов, Н.Д. Сергеевский, Л.С. Белогриц-Котляревский) вполне закономерно исследовали вопросы множественности преступлений в двух разделах своих учебников: в рамках изучения вопроса о назначении наказания и, что важно, в рамках учения о преступлении, при обсуждении проблем классификации преступных посягательств, анализе их видов, характеристике объема деяния как основания ответственности и наказания. Попыты такого композиционного построения научного материала были весьма осторожны, но они закладывали основу современного понимания множественности как института, обслуживающего категорию преступления в уголовном праве.

Обращение к проблемам множественности преступлений в двух разделах

уголовного права соответствующим образом определяло содержание главных теоретических дискуссий. Так, в рамках учения о преступлении обсуждались в основном проблемы отграничения совокупности преступлений и их повторения от единичного сложного преступления, иными словами исследовался вопрос об объеме понятия «деяние» в уголовном праве, его объективные и субъективные признаки. В границах же учения о наказании исследовались проблемы отграничения повторения преступлений от их совокупности, а также оптимальный механизм определения итогового наказания при совершении нескольких преступных деяний. В диссертации дан обзор этих дискуссий.

В качестве основных выводов по итогам анализа практики регламентации вопросов множественности преступлений в XIX – начале XX столетия, в работе формулируются следующие тезисы:

- работы по систематизации и кодификации российского уголовного законодательства в первой трети XIX века стимулировали научное (формально-юридическое, догматическое) осмысление множественности преступлений как феномена, с одной стороны, относящегося к области учения о преступлении, а с другой стороны, по преимуществу, к области учения о назначении наказания, а именно как обстоятельства, влияющего на увеличение вины и требующего особых законоположений для установления границ судейского усмотрения при определении наказания;

- множественность преступлений впервые была четко противопоставлена единичному преступному деянию и учтенной законодателем идеальной совокупности преступлений, в связи с чем развитие учения о назначении наказания при множественности преступлений способствовало развитию доктрины в части исследования преступления, объема понятия «деяние», взаимосвязи и единства его объективных и субъективных признаков;

- на всем протяжении XIX столетия законодательство, не без влияния науки, совершенствовалось в направлении все более четкого разграничения совокупности и повторения преступлений, определения юридической природы преступления, совершенного после провозглашения приговора, но до отбытия

наказания, оптимизации правил поглощения и сложения итогового наказания при наличии множественности преступлений;

- находясь в системе координат, заданных классической школой уголовного права, отечественное законодательство и доктрина, тем не менее, никогда не придерживались правила о соблюдении формального равенства между преступлением (их количеством) и наказанием (его объемом), признавали объектом карательной деятельности государства не деяние, а личность преступника и исповедовали взгляд на множественность, как на обстоятельство, отягчающее наказание, которое должно учитываться в совокупности с иными фактическими данными по делу, отражающими опасность совершенных преступлений и особенности личности виновного.

Глава II «Развитие института множественности преступлений в российском уголовном праве XX–XXI века» посвящена исследованию проблем множественности преступлений в советский период истории (§ 1) и институциональным характеристикам правовых предписаний о множественности в современном уголовном праве (§ 2).

Анализ содержания уголовного законодательства первых лет советской власти позволил подчеркнуть два значимых обстоятельства:

Во-первых, как и в предшествующую эпоху, положения о множественности преступлений, составляя в уголовном законодательстве часть предписаний о назначении уголовного наказания, не были должным образом осмыслены в качестве структурной единицы института преступления. Этот факт отражает определенный теоретический посыл, идею, согласно которой множественность преступлений не составляет особого социального или криминологического феномена, а служит лишь обстоятельством, которое вносит коррективы в техническую деятельность суда по определению суммарного наказания.

Во-вторых, нормы о множественности преступлений и о назначении наказания при множественности вплоть до конца 50-х годов не представляли особого интереса для законодателя, который посчитал возможным ограничиться несовершенным и пробельным набором нескольких, не сведенных в единую систему

правовых предписаний. Разработка их «по остаточному принципу» объясняется кардинальной трансформацией общего подхода к пониманию содержания, основания и значения уголовного наказания. Такой перелом в уголовно-правовой традиции связан с кризисом классической школы уголовного права и распространением учения новых школ – антропологической и социологической.

Ключевые идеи социологической школы (отказ от понятия преступления, определение основанием ответственности не деяния, а опасного состояния личности, примерные санкции, широкое судебское усмотрение) в чистом виде никогда не были зафиксированы в уголовном законодательстве, которое в целом старалось сохранить начала эквивалентности преступления и наказания. Однако они составляли тот интеллектуальный фон, на котором протекала работа по созданию советского уголовного права. И именно их влиянием можно объяснить некоторый регресс в области учения о множественности преступлений в 20–30-е годы XX столетия.

Исправление ситуации произошло в середине XX века. УК РСФСР 1960 г. в основу оценки множественной преступной деятельности положил, по сути, две относительно самостоятельные концепции – множественности деяний и опасности личности. Их наличие можно рассматривать в качестве закономерного следствия предшествующего развития советского уголовного права, которое балансируя на грани социологической и классической школ, соединяло в себе идеи и институты каждой из них. Свидетельством проникновения в закон разрабатываемой социологической школой классификации преступников на основе стойкости их антиобщественной установки, ведущих факторов преступной деятельности, вероятности повторения преступлений, в целом – общественной опасности, стала нормативная фиксация понятия «особой опасный рецидивист». Данью традициям классической школы можно признать конструкцию совокупности. Поскольку кодекс так и не смог выйти на уровень понимания множественности в качестве составной части института преступления, в связи с чем предписания о совокупности располагались в силу стойкой законотворческой и теоретической традиции в главе о назначении наказания. Но здесь необходимо признать доста-

точной высокой, адекватный современному, уровень разработки вопросов назначения наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров.

Резюмируя исследование вопроса о множественности преступлений в советском законодательстве XX столетия, в работе формулируются следующие основные выводы:

- послереволюционный период развития уголовного законодательства во многом определялся влиянием идей социологической школы уголовного права, идеи которой объективно не способствовали разработке детализированных правил уголовно-правовой оценки множественной преступной деятельности;

- на всем протяжении развития советское уголовное право явно или неявно охватывало собой самые различные формы совокупности и повторения преступлений, используя для них разные термины, помещая их в конструкции Общей и Особенной части уголовного закона, что в некоторой степени свидетельствует об отсутствии четкой и внятной системы форм множественности в законодательстве; однако этот недостаток в известной мере компенсировался правилами назначения наказания (преимущественно основанными на принципе поглощения наказаний и факультативного усиления), ориентированными на преимущественный учет данных о личности виновного;

- примечательной особенностью советского права стало нормативное оформление классификации преступников по степени их опасности за счет фиксации признаков особо опасного рецидивиста, что с одной стороны, отражало здравые идеи лично ориентированного наказания, а с другой стороны, закрепляло представление об опасном состоянии личности как основе усиления ответственности и вносило внутренние противоречия в и без того противоречивую систему форм множественной преступной деятельности;

- важным итогом развития уголовно-правового учения о множественности преступлений стало признание ее самостоятельным институтом уголовного права, тяготеющим к категории преступления, что одновременно и было связано, и повлекло за собой отказ от учета личностных особенностей преступника при

определении форм множественности, вытеснение данных о личности в сферу общих критериев назначения наказания.

Далее в работе выявлены институциональные характеристики совокупности норм о множественности преступлений в системе современного российского уголовного права. Тезис о том, что группа норм о множественности преступлений представляет собой относительно самостоятельный правовой институт, можно признать общепризнанным. Вместе с тем, анализ дает возможность выделить четыре основных подхода к пониманию объема и, как следствие, структуры и вида данного института:

1) подход (Р.А. Санинский), согласно которому институт множественности преступлений образуют нормы, установленные в статьях 17 УК– 18УК, 63 УК РФ, 68 УК РФ, 69 УК РФ, а также предписания практически всех статей Особенной части кодекса;

2) подход (Т.Г. Черненко, А.И. Сорокин), включающий в институт множественности преступлений две группы норм: создающих законодательную базу для правильной квалификации преступлений (ст.ст. 17, 18 УК РФ) и призванных определить справедливое наказание (ст.ст. 68, 69, 70 УК РФ);

3) подход (В.П. Малков К.А. Панько), в рамках которого множественность преступлений образует система норм, регламентирующих основания ответственности, порядок назначения и отбывания наказания, освобождения от него при совершении субъектом нескольких преступлений (помимо указанных выше, ч. 5 ст. 35 УК РФ, ст. 58 УК РФ, ч. 2 ст. 60 УК РФ, ч. 1 ст. 63 УК РФ, ч. 3 ст. 65 УК РФ, ч. 4, 5, 6 ст. 74 УК РФ, ст. 75 УК РФ, ст. 76 УК РФ, ч. 2 ст. 78 УК РФ, ч. 5, 7 ст. 79 УК РФ, ч. 5 ст. 82 УК РФ, ч. 6.2 ст. 88 УК РФ);

4) подход (В.П. Коняхин, М.С. Жук), согласно которому институт множественности преступлений ограничен лишь теми предписаниями, которые расположены в Главе 3 УК РФ и посвящены категории преступления.

Наличие несовпадающих позиций объясняется различием в понимании самого института уголовного права и его критериев. Согласно распространенной позиции, таковыми выступают: специфический предмет регулирования (нужда-

ющиеся в специальном правовом урегулировании уголовно-правовые отношения, связанные с совершением виновным более чем одного преступления), а также способность некоторой совокупности предписаний обеспечить цельное, беспробельное правовое регулирование этой группы отношений.

Отсюда, акцентирование внимания специалистов на проблеме предмета регулирования, приводит к ограничительной трактовке института множественности и включению в него только положений статей 17 и 18 УК РФ; акцентирование внимания на цельности регулирования этих отношений, как представляется, приводит к расширению границ института за счет иных правовых предписаний.

Соответствующая расстановка акцентов напрямую связана с определением видовой (классификационной) характеристики исследуемого института. Если трактовать множественность преступлений как институт предметный, то в его содержание войдут только предписания статей 17 и 18 УК РФ, если же усматривать в множественности функциональный институт, то и содержание его будет шире за счет предписаний, определяющих правила назначения наказания.

Изложенные подходы прямо ассоциируются с классификацией отраслевых правовых институтов. Справедливо будет признать, что однородными или моноинститутами являются институт множественности, образуемый предписаниями статей 17 УК РФ и 18 УК РФ, с одной стороны, и институт назначения наказания при множественности преступлений, образуемый положениями статей 68 УК РФ и 69 УК РФ, - с другой; а комплексным институтом множественности разумно считать всю совокупность обозначенных правовых предписаний.

Изложенные подходы к пониманию и нормативному оформлению института множественности преступлений не противоречат друг другу, но раскрывают различные грани и различные стороны взаимосвязи исследуемых нормативных предписаний с иными предписаниями уголовного права. Каждый из них выполняет собственную познавательную функцию:

- для целей выявления системных взаимосвязей предписаний о множественности преступлений с иными предписаниями уголовного права, для позна-

ния строения системы отрасли уголовного права и для конструирования уголовного законодательства предпочтительным является «узкое» понимание института множественности преступлений;

- для целей познания внутри институциональных связей между отдельными законодательными предписаниями о множественности и для решения учебно-методических задач в большей степени адекватна «широкая» трактовка исследуемого института.

Оценивая предписания о множественности преступлений и назначении наказания при множественности с точки зрения общего понятия и признаков правового института, можно констатировать следующие факты:

а) Предписания о назначении наказания при множественности преступлений регулируют специфическую разновидность отношений внутри общего процесса регламентации назначения наказания, а сама деятельность по определению наказания при наличии множественности подчиняется не только им, но и целому ряду значимых предписаний общего характера, зафиксированных в главе 10 УК РФ, и распространяющих свою силу на процессы назначения наказания при наличии иных юридических фактов (соучастия, неоконченного преступления). В силу сказанного, нормы о назначении наказания при наличии множественности преступлений относятся к субинституту института назначения уголовного наказания.

б) Предписания о понятии и видах множественности преступлений регулируют самостоятельный вид отношений, связанных с совершением лицом нескольких преступных деяний. Они не имеют особой связи с какими-либо общими предписаниями, которые зафиксированы в Главе 3 УК РФ. Более того, предписания этой главы безболезненно могут быть разведены в две группы – о понятии и категоризации преступлений, с одной стороны, и о множественности – с другой. В этом отношении понятие и виды множественности гораздо ближе по своей природе к институту уголовного права, нежели к субинституту. От полноценного института их отличает только тот факт, что они не обособлены на уровне самостоятельной главы закона. До такого обособления правовые начала

института не получают обобщенного нормативного выражения и поэтому он выступает лишь в качестве субинститута.

Таким образом, строго и формально говоря, множественность преступлений и назначение наказания при множественности в современных реалиях выступают только в качестве субинститутов соответственно института преступления и института назначения наказания. Однако, учитывая не только констатирующе-познавательную, но и прогностическую функцию науки, можно присоединиться к предложениям о выделении предписаний о понятии и видах множественности преступлений в самостоятельную главу уголовного закона. Соответствующее законодательное решение окончательно институционализировало бы исследуемые правовые предписания, закрепив за множественностью статус полноценного уголовно-правового института.

Тогда, оптимальной моделью структурного оформления уголовно-правовых предписаний, определяющих правовые последствия совершения лицом двух и более преступлений, могла бы стать модель, включающая: а) институт понятия и видов множественности преступлений; б) субинститут назначения наказания при множественности преступлений. Такая модель, на первый взгляд, выглядит неравновесной. Вместе с тем, именно она использована законодателем при конструировании и систематизации норм об ответственности за неоконченную преступную деятельность, за соучастие в преступлении. В целом она не вызывает серьезных нареканий со стороны научной общественности и апробирована в некоторых зарубежных странах. Она же содержит в себе определенный потенциал роста для предписаний относительно назначения наказания при множественности, оставляя им возможность эволюционировать в сторону полноценного правового института.

Структура уголовно-правового института множественности преступлений включает в себя два основных компонента: принципы института и нормативные предписания.

К принципам института множественности относятся:

- принцип самостоятельности оснований ответственности при любом ко-

личестве совершенных преступлений (конкретизирующий положения ст. 3, ч. 2 ст. 6 и ст. 8 УК РФ);

- принцип не обязательного, а лишь возможного усиления репрессивности уголовного закона при совершении нескольких преступлений (интегрирующий основу формирования ст. 68, 69 УК РФ и восходящий к положениям ч. 2 ст. 3, ч. 1 ст. 6, ч. 2 ст. 7 УК РФ);

- принцип дифференциации ответственности за множественность преступлений в зависимости от ее вида (конкретизирующий положения ч. 1 ст. 6 УК РФ);

- принцип соблюдения разумного баланса в оценке опасности деяния и личности преступника при дифференциации ответственности за множественную преступную деятельность (конкретизирующий предписания ч. 1 ст. 6, ст. 4 УК РФ);

- принцип приоритета поглощения наказаний при их определении за множественность перед сложением, а также приоритета частичного сложения наказаний перед полным сложением (конкретизирующий требования ч. 2 ст. 60 УК РФ и восходящий к положениям ч. 2 ст. 7 УК РФ).

Эти положения составляют ту исходную теоретическую базу, идейную платформу, на которой формируются, конструируются и получают официальное воплощение конкретные нормативные предписания, регламентирующие особенности реализации ответственности при совершении лицом нескольких преступлений.

Детальный анализ действующего уголовного законодательства, а также проведенный опрос экспертов, позволяют установить, что на сегодняшний день в УК РФ ощущается недостаточность целого ряда значимых для понимания множественности и практического применения закона положений. В частности:

- не зафиксировано общее понятие множественности (на необходимость такой дефиниции указало 37% опрошенных);

- не детализированы критерии отграничения множественности преступлений от единичного сложного преступления (86% респондентов);

- не дана четкая классификация видов совокупности преступлений (закрепление ее в законе посчитали целесообразным 46% опрошенных);

- представлены далеко не все правила квалификации совокупности преступлений (с чем согласились 79% специалистов);

- не определен момент осуждения лица (значимость фиксации которого в законе признали 59% опрошенных);

- не решен вопрос о правовом значении осуждения за преступление по приговору иностранного государства (75% респондентов);

- не сформулировано понятие «простой» рецидив (38% специалистов);

- не определена последовательность учета правил назначения наказания при рецидиве и наличии иных специальных обстоятельств, например, неоконченного преступления, заключения соглашения о сотрудничестве, наличии некоторых смягчающих обстоятельств и др. (что признано упущением закона 84% опрошенных);

- не решен вопрос о согласовании и порядке последовательного применения положений ст. 69 УК РФ и статей 73, 79, 80 УК РФ (76% специалистов);

- не согласованы положения закона о рецидиве преступлений и возможности распространения правил об ответственности несовершеннолетних на лиц в возрасте от 18 до 20 лет (39% респондентов).

Эти пробелы, особенно в той части, которая связана с конкретными правилами квалификации преступлений и назначением наказания, сегодня в известной мере восполняется толкованием уголовного закона и практикой Верховного Суда РФ. При этом анализ показывает, что высшей судебной инстанцией восполняются по преимуществу детализирующие, вариативные и коллизионные предписания. Такая ситуация не может быть признана удовлетворительной, причем вне зависимости от того, как относиться к роли и значению судебной практики Верховного Суда РФ в регулировании уголовно-правовых отношений. Даже если допустить полиисточниковый характер отрасли уголовного права, то:

- во-первых, нет оснований для наделения статусом источника права решений по конкретным делам, в связи с чем многие положения о квалификации

множественности преступлений, сформулированные в постановлениях Президиума Верховного Суда и определениях его судебных коллегий, не получают необходимого общеобязательного значения;

- во-вторых, если и включать постановления Пленума Верховного Суда РФ в число источников уголовного права, нельзя допустить, чтобы на этом уровне правовой регламентации регулировались вопросы, связанные с определением правового статуса лица, совершившего несколько преступлений.

Изложенное приводит к заключению о необходимости дополнения уголовного законодательства России рядом нормативных предписаний, посвященных регулированию отношений, возникающих в связи с фактом совершения нескольких преступлений. УК РФ нуждается в положениях, определяющих общее понятие множественности преступлений, конкретизирующих случаи (основания) отсутствия множественности и отграничения множественности от сложного единичного преступления, а также устанавливающих конкретные правила квалификации преступлений при наличии множественности. Такой укрупненный набор разно порядковых нормативных предписаний гарантирует полноту и стабильность структуры исследуемого уголовно-правового института, а вместе с ним качество и эффективность правового регулирования.

Раздел II «Состояние и перспективы развития института множественности преступлений» состоит из двух глав.

Глава III «Множественность преступлений как предмет уголовно-правового воздействия» посвящена характеристике множественности преступлений с точки зрения уголовной социологии (§ 1), разработке понятия и признаков множественности как уголовно-правового феномена (§ 2).

Отсутствие в российской юриспруденции работ, предметом которых была бы множественность преступлений как социальный феномен, препятствует накоплению и анализу социально-криминологической информации, значимой для обоснования уголовно-политических и уголовно-правовых решений в сфере противодействия множественности преступлений. Потребность в ее восполне-

нии дополнительно актуализирует проведение комплексного, статистического, социологического и криминологического анализа множественности.

За период с 2000 по 2013 год, удельный вес лиц, совершивших несколько преступлений, в том числе и при отсутствии нормативных признаков множественности, составляет в среднем 45,7% (в 70-е, 80-е, 90-е годы прошлого века он держался на уровне 41–42%). Если ограничить выборку только рецидивистами и лицами, впервые совершившими более одного преступления, то можно установить, что их удельный вес в общем числе лиц, совершивших несколько преступлений, составляет 43,9%, а в общем массиве всех осужденных – 20,1%.

Эти два параметра имеют неодинаковый тренд. Удельный вес лиц, совершивших несколько преступлений, имеет выраженную тенденцию роста, которая началась до реформы множественности преступлений в 2003 г. и не изменилась после нее (если в 2000 г. доля лиц, совершивших несколько преступлений, составляла 42,4%, то в 2008 г. – уже 47,7%). В тоже время удельный вес лиц, осужденных собственно за множественность преступлений, с 2003 года остается относительно стабильным, колеблясь в пределах 19,5 – 21,7%. Выявленная тенденция становится особенно наглядной при исследовании статистических данных, характеризующих формы множественности. Так, удельный вес рецидивистов, составляя в среднем около 50% в числе ранее судимых лиц, сокращается: если в 2000 – 2003 годах он составлял 67%, то в 2004 – 2013 годах – 48,2%. В то время как динамика удельного веса всех ранее судимых лиц, хотя и имеет тенденцию к росту, на этом фоне все же остается стабильной. Еще большую стабильность демонстрируют показатели, отражающие удельный вес лиц, осужденных за совершение впервые двух или более преступлений. В среднем за период наблюдения их доля составила около 6% и отклонения от среднего значения крайне незначительны.

На основании имеющихся данных, в качестве первого вывода о состоянии множественности преступлений можно констатировать: а) увеличение удельного веса лиц, осужденных за совершение нескольких преступлений;

б) стабильный удельный вес лиц, осужденных за совершение впервые нескольких преступлений; в) сокращение удельного веса лиц, совершивших преступление при рецидиве; г) рост удельного веса ранее судимых лиц, в чьих действиях не установлено признаков рецидива преступлений. Эти тезисы позволяют выявить главное: на фоне объективного роста случаев совершения одним лицом нескольких преступлений, закон сознательно и искусственно ограничивает сферу контроля множественной преступной деятельности лишь некоторыми сочетаниями преступлений, что в статистическом отношении позволяет продемонстрировать сокращение показателей множественности преступлений и приводит к нарастанию разрыва между соответствующими рядами данных.

Об истинных масштабах повышенной общественной опасности множественности преступлений в большей степени можно судить на основании результатов конкретных социологических и документальных исследований. Анализ показал:

а) Рецидивные преступления относятся преимущественно к группе общеуголовных корыстных и корыстно-насильственных преступлений. Наибольший удельный вес рецидивистов зафиксирован в числе осужденных за преступления против собственности (16,5%), против половой свободы и половой неприкосновенности личности (14,7%), против жизни и здоровья личности (12,2%), против здоровья населения и общественной нравственности (10,0%). Примерно три четверти совершенных при рецидиве преступлений тождественны или однородны преступлениям, за которые лицо ранее уже осуждалось, что отражает весьма негативную тенденцию специализации и профессионализации рецидивистов. Более 90% рецидивистов ранее приговаривались к наказанию в виде лишения свободы, которое в 70% случаев полностью отбыли, и в 25% случаев совершили рецидивное преступление в первый год после отбытия наказания. В целом, рецидивная преступность демонстрирует фактический рост, искусственное (благодаря исключительно закону) облегчение структуры, увеличение кратности и интенсивности, ярко выраженный корыстный характер, тесные связи с организованной, профессиональной и маргинальной преступностью.

б) Совокупность преступлений чаще всего представлена посягательствами на собственности (52%) и преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков (25%); в 42% случаев совокупность образуют тяжкие и (или) особо тяжкие преступления. Среди осужденных за совокупность преступлений, 67% лиц совершили от двух до трех преступлений, 26% – от четырех до девяти, 7% – десять или более преступлений; при этом 78% совершили однородные или тождественные преступления. В целом, совокупность преступлений характеризуется следующими закономерностями: после совершения трех преступлений с каждым последующим разом сокращается временной интервал между преступлениями и, как правило, либо увеличивается ущерб от их совершения, либо возрастает тяжесть; вероятность совершения совокупности преступлений выше, если первое преступление было небольшой или средней тяжести; характер направленности первого преступления, как правило, обуславливает характер последующих; идеальную совокупность составляют, как правило, преступления, из которых одно является тяжким или особо тяжким преступлением.

Полноценный анализ множественной преступной деятельности не может ограничиваться только теми данными, которые характеризуют множественность преступлений в ее уголовно-правовом значении. Требуется более широкий подход, позволяющий включить в орбиту рассуждений еще и такие стечения преступлений, которые не воспринимаются законом как проявление множественности. В рамках его реализации в диссертации приведены результаты исследования повторной преступности (преступности лиц, ранее судимых). Анализ показал, что повторение преступлений как криминологический феномен развивается по своим собственным законам, мало связанным с трансформацией закона уголовного и с теми мерами, которые в нем предусматриваются для неоднократно судимых лиц. УК РФ относительно произвольно наделяет некоторое сочетание преступлений, совершаемых ранее судимыми лицами, статусом рецидива или совокупности приговоров. Отвлеченно искусственное отражение преступной деятельности ранее судимых лиц в тексте уголовного закона сопровождается

аналогичным подходом к оценке совокупности преступлений и определению правил назначения наказания за нее.

Такое положение дел связано с нерешенностью основного методологического вопроса о том, что же именно – множество преступлений или лицо, совершившее это множество, выступает основанием для конструирования легальных форм множественности. УК РФ формально не признает особенности личности виновного основанием или хотя бы элементом в построении системы множественности преступлений. Однако, ограниченность такого подхода подтверждается результатами социально-криминологического исследования, которое с достаточной степенью убедительности свидетельствует о том, что сколько-нибудь существенных и специфических криминологических оснований под современными конструкциями рецидива преступлений и совокупности преступлений нет: рецидив по основным социальным и криминологическим параметрам не отличается от вторичной преступности, а совокупность преступлений включает настолько разнородные с криминологической точки зрения сочетания преступлений, что определить социальные основания этой нормативной конструкции просто не представляется возможным.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о глубоком разрыве в основаниях и целях контроля над множественной преступной деятельностью со стороны уголовного права и криминологии. Если уголовному праву важны лишь вопросы квалификации и назначения наказания, то криминологию интересует более широкий круг вопросов, связанных с профилактикой преступлений. Пересечение этих двух стратегий происходит лишь в точке, именуемой «уголовное наказание» (или шире – меры уголовно-правового характера), поскольку наказание признается средством предупреждения преступления и с этих позиций тяготеет к предмету криминологии.

Уголовное право и криминология призваны совместными усилиями воздействовать на феномен множественности преступлений. Однако разрабатывать профилактические и наказательные стратегии без учета личностных свойств преступника бесперспективно. Игнорирование специфических особенностей

личности преступника, совершающего несколько преступлений, в построении правового института множественности с неизбежностью влечет за собой возникновение неоправданного разрыва между его криминологической и уголовно-правовой оценкой; делает уголовно-правовой контроль множественности искусственно-отвлеченным, сугубо формализованным, а потому и неэффективным.

Этот тезис учтен в следующей части исследования при анализе понятия множественности преступлений. Уголовно-правовой оценке в качестве множественности может подлежать лишь такое стечение отдельных (самостоятельных) преступлений, в котором каждое из них (или хотя два) подлежит официальной уголовно-правовой оценке либо сохраняет ее последствия. Смысл включения этого признака в теоретическую конструкцию множественности состоит в том, чтобы подчеркнуть наличие в исследуемой ситуации двух параллельно развивающихся уголовно-правовых отношений, вызванных соответственно двумя преступлениями. Когда какое-либо из этих отношений не началось или по каким-либо предусмотренным законом обстоятельствам прекратилось, это означает, что связанные с этими отношениями преступные деяния не получили или утратили свойство юридического факта, а следовательно, не могут подлежать уголовно-правовой оценке ни сами по себе, ни в совокупности с иными фактическими обстоятельствами; они исключаются из числа деяний, способных образовывать множественность преступлений.

Однако здесь необходим дифференцированный анализ, поскольку сохранение правовых последствий по первому преступлению не всегда дает основание констатировать множественность в поведении лица. Равным образом, аннулирование правовых последствий совершения первого преступления не дает оснований однозначно и категорично утверждать об исключении множественности. УК РФ относительно свободно определяет и конфигурацию преступлений в структуре множественности, и их социально-правовые характеристики, и правовые последствия. Данное обстоятельство заставляет на доктринальном уровне определить материально-правовое основание, в силу которого законодатель считает

необходимым закрепить сочетание преступлений в качестве проявления множественности.

В решении этого вопроса следует исходить из различных социально-правовых характеристик поведения, связанного с однократным или многократным совершением общественно опасных деяний.

Когда одно деяние лица выражается более чем в одном действии, влечет за собой более чем одно последствие, характеризуется более чем одной формой вины, причиняет вред более чем одному объекту и (или) потерпевшему, перед законодателем всегда возникает проблема оценки такого деяния с точки зрения возможности конструирования состава преступления и достаточности этого состава для всестороннего отражения опасности поведения субъекта.

Это поведение включает в себя несколько элементов, которые взятые в отдельности могут представлять различную общественную опасность и, как следствие, влечь различную ответственность. Если эти элементы по характеру и степени общественной опасности не соответствуют уровню преступления, у законодателя есть потенциальная возможность оценивать их либо как множественность административных проступков, либо интегрировать эти несколько деяний в один состав преступления. Аналогичная схема действует и в ситуации, когда элементы сложного поведения, взятые в отдельности, обладают опасностью, позволяющей рассматривать их в качестве преступных. Законодатель может либо интегрировать эти элементы в рамки единого составного преступления, либо установить необходимость оценки этих деяний в качестве множественности.

Представляется, что выбор конструкции одного состава преступления для описания подобного связанного множества человеческих поступков является общим правилом. Лишь невозможность описать все поступки в рамках одного состава преступления служит основанием для оценки содеянного через призму идей и норм о множественности преступлений. Множественность преступлений при одновременном совершении нескольких поведенческих актов, может иметь место в случаях, когда соответствующее сочетание преступных деяний: не связано функциональной или причинной связью; не отражает единых намерений

(субъективно не связано); не является типичным, устойчивым и распространенным; не сопровождается увеличением общественной опасности всего содеянного.

Последнее особенно важно. Суммирование общественной опасности двух преступлений в данном случае не создает «прибавочной» общественной опасности. Общественная опасность идеальной совокупности полностью воплощена, растворена в опасности образующих ее деяний. В силу этого крайне сложно в этой ситуации говорить об увеличении, росте, накоплении и т.д. общественной опасности личности преступника. Имеющийся «заряд» опасности выражается в единовременном совершении нескольких опасных деяний, оценка которых в качестве множества самостоятельных преступлений в определенной степени зависит от того, решился или не решился законодатель для соответствующих ситуаций сконструировать состав единичного преступления. В итоге, можно констатировать, что одновременное совершение двух преступлений не создает некоего особенного социального феномена, требующего в силу особого уровня общественной опасности специальной, усиленной уголовно-правовой реакции.

Иная ситуация складывается, когда два преступления совершаются лицом двумя самостоятельными деяниями, что объективно может иметь место при наличии временного разрыва между ними. Здесь многое зависит от характеристики самих преступлений: являются ли они только умышленными, только неосторожными или же совершаются с различной формой вины, а также являются ли они тождественными (однородными) или разнородными. Большое значение для оценки любого сочетания преступлений имеет место факт наличия или отсутствия реакции на первое из совершенных преступлений в виде приговора суда, назначенного наказания и судимости.

Возможные с учетом заданных параметров сочетания преступлений могут обладать неодинаковой степенью общественной опасности, а следовательно, требовать несовпадающих законодательных конструкций для описания и оценки. Возможны, в частности следующие ситуации последовательного совершения преступных деяний одним лицом: а) лицо совершает два тождественных (не

важно, умышленных или неосторожных) преступления (не важно, имея или не имея судимость за первое из них); б) лицо совершает два умышленных преступления (не важно, тождественных или разнородных), имея судимость за первое из них; в) лицо совершает два неосторожных не тождественных преступления (не важно, имея или не имея судимость за первое из них); г) лицо совершает умышленное и неосторожное преступление (не важно, в какой последовательности и не важно, имея ли судимость за первое из них).

Эти теоретические конструкции исчерпывают собой все возможные сочетания преступлений. Они являются исходными, первичными, базовыми конфигурациями и в этом отношении должны быть оценены на предмет необходимости их закрепления в качестве формы множественности.

Приступая к такой оценке необходимо сделать оговорку. Указывая на факт судимости, надо понимать, что лицо считается судимым не только во время отбывания (исполнения) наказания, но и в течение определенного времени после него. В этой связи наказание за второе преступление судимого лица может «накладываться» на наказание за первое преступление (в связи с чем всегда возникает необходимость определения порядка их исполнения), а может и не «накладываться» (и тогда возникает иная проблема – усиление наказания за второе преступление). Представляется, что, если возникает необходимость определения порядка исполнения наказаний, назначенных за два разновременнo совершенных преступления, законодатель обязан предусмотреть некую конструкцию множественности. Таковы потребности практики уголовно-правового противодействия преступности. Если эти ситуации исключить из описанных выше четырех конструкций, остается необходимым оценить сочетания, не включающие в себя случаи наличия двух «параллельных» наказаний. Они возможны в двух основных вариантах: а) лицо совершает второе преступление, имея неснятую или непогашенную судимость за первое преступление; б) лицо совершает второе преступление, не имея судимости за первое. Каждая из них заслуживает особого рассмотрения.

В первом случае возникает дилемма, связанная с учетом предшествующей судимости при оценке второго преступления. Отечественное право предельно четко закрепило правило о том, что судимость за первое умышленное преступление повышает опасность второго умышленного преступления. Представляется, что это спорная и противоречивая позиция. Во-первых, сам законодатель после уголовно-правовой реформы 2003 г. признал, что повышение опасности и наказуемости рецидивного преступления, а следовательно, и констатация самого факта наличия множественности преступлений, происходит факультативно, в зависимости от многих обстоятельств дела, в первую очередь связанных с характеристикой личности виновного. Во-вторых, если признать, что судимость повышает опасность второго и последующих преступлений, то логично было бы предположить, чтобы это правило распространялось на все случаи, тогда как закон содержит значительный массив ограничений для признания второго преступления рецидивным, связанных с характеристикой личности виновного. Наконец, в-третьих, если исходить из классического тезиса о том, что уголовное наказание гасит собой опасность, связанную с преступлением, то нет никаких оснований переносить часть опасности первого преступления, «погашенного» наказанием, на второе и последующие преступления.

Здесь законодатель неверно оценил ситуацию, признав наличие множественности в сочетании преступлений, которое само по себе не требует какой-либо особой реакции со стороны закона и правоприменителя. Здесь нет необходимости менять квалификацию содеянного и отграничивать сочетание преступлений от иных общественно опасных деяний, нет надобности определять порядок исполнения нескольких уголовных наказаний, нет потребности и в обязательном усилении наказания за второе преступление с учетом первого. Единственное с чем сталкивается в данном случае законодатель и правоприменитель, – некоторые специфические свойства личности виновного, которые отражают его повышенную опасность, а потому должны быть учтены при разрешении уголовно-правового конфликта; однако не в рамках института множественности, а через призму учения о личности виновного.

Следующая из выделенных конфигураций последовательного совершения двух преступлений предполагает отсутствие судимости за первое преступление. Она предполагает два варианта в зависимости от того, являются ли преступления тождественными.

Если речь идет о тождественных или однородных умышленных деяниях, то два преступления вполне могут рассматриваться в качестве единого целого, при условии что они отражающих некую общую линию поведения субъекта, его склонность к преступной деятельности, «преступную привычку», профессионализм. Именно на этой основе законодатель конструировал понятие неоднократности преступлений. Подчеркнем: усиления репрессии требовало здесь не второе, и не каждое из совершенных преступлений, а именно сочетание двух тождественных преступлений. Но законодатель – это сочетание преступлений описывал в квалифицирующем признаке состава, то есть предусматривал в одной уголовно-правовой норме, что противоречило самой идее множественности как сочетания нескольких преступлений, получающих самостоятельную оценку.

В ситуации совершения разнородных преступлений каждое из совершенных деяний всегда квалифицировалось по самостоятельной статье уголовного закона, в связи с чем, возникала потребность в определении итогового наказания, которое следует отбывать преступнику, которая и решалась посредством конструкций, составляющих часть института множественности преступлений (в частности, совокупности).

Таким образом, можно резюмировать, что ключевой признак, предопределяющий уголовно-правовые предписания относительно множественности, состоит в необходимости определения итогового наказания, его размера и порядка исполнения. В соответствии с ним, законодатель отражает в институте множественности ситуации, которые именуется сегодня идеальной совокупностью преступлений, реальной совокупностью преступлений и совокупностью приговоров. Иные ситуации (совершение преступления ранее судимым) требуют оценки личности виновного и не должны рассматриваться сквозь призму института множественности преступлений.

Глава IV «Роль и возможности уголовного права в противодействии множественности преступлений» раскрывает перспективы совершенствования уголовного закона в части оценки множественности преступлений (1) и актуальные проблемы квалификации множественности (§ 2).

Создание перспективной концепции множественности преступлений требует дифференциации двух основных ситуаций: а) совершение лицом, имеющим неснятую и непогашенную судимость, нового преступления, когда не возникает необходимости сложения нескольких наказаний; б) совершение нескольких преступлений, когда возникает необходимость определить итоговое наказание. Каждая из них проанализирована в работе самостоятельно.

а) *Совершение преступления при наличии судимости.* Традиционный взгляд на ситуацию совершения преступления судимым лицом состоит в том, что это второе преступление признается более опасным, нежели преступление, совершенное лицом, не обладающим статусом судимого, а опасность рецидивной преступности определяется опасностью всех совершенных рецидивистом преступлений. Однако, этот тезис уязвим и не подтверждается реалиями судебной практики и теоретическими изысканиями. В работе отстаивается противоположный подход, согласно которому опасность рецидивной преступности стоит усматривать в особых свойствах и качествах личности преступника, не поддающегося социально-правовой коррекции и потенциально способного к повторению преступных актов. Исходя из этого, факт признания рецидива формой множественности преступлений выглядит нелогичным. Более того, уголовно-правовой реформой 2003 года концепция «рецидив – форма множественности», де-факто, была отвергнута самим законодателем: повышение наказания при рецидиве стало определяться не законом, а усмотрением суда; виды рецидива утратили значение обстоятельств, дифференцирующих наказание; в основе оценки содеянного при рецидиве гораздо большее значение стало уделяться данным о личности виновного, нежели собственно рецидивному преступлению.

Перенос «центра тяжести» в конструкции рецидива с деяния на личность потребовал дополнительного освещения некоторых криминологических и уго-

ловно-правовых проблем, по итогам которого сформулированы следующие рекомендации:

1) В законодательной характеристике рецидивиста целесообразно сохранить признаки, присущие современному пониманию рецидива, а именно: совершеннолетие лица на момент совершения преступления, умышленный характер преступлений, отнесение их к категории не ниже средней тяжести, наличие неснятой или непогашенной судимости.

2) Представляется целесообразным установить обязательным условием признания лица рецидивистом тождественный характер совершаемых преступлений. В иных случаях, ситуация должна разрешаться на основании законодательно установленных правил назначения наказания по совокупности приговоров либо посредством предписаний ст. 63 УК РФ (в этом контексте логично скорректировать положения п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ с тем, чтобы признать в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, не только рецидив, но и наличие неснятой или непогашенной судимости в целом).

3) Рецидивист – уголовно-правовой признак не субъекта преступления, а именно личности виновного. Он не должен включаться в систему признаков состава преступления и не может влечь за собой не изменение квалификации содеянного. Его предназначение – исключительно ужесточение назначаемого лицу наказания. Возможность признания лица рецидивистом должна рассматриваться в качестве права, а не обязанности суда.

4) Ужесточение наказания лицу, признанному рецидивистом, должно стать обязанностью суда. В этой связи требует изменения редакции ст. 68 УК РФ; из нее следует изъять положения о допустимости неприменения правил о повышенном нижнем пределе наказания и о возможности наказания рецидивисту наказания ниже низшего предела.

5) Целесообразно исключить классификацию рецидивистов из УК РФ, установить единый предел минимального размера наказания и перенести соответствующую классификацию в уголовно-исполнительное законодательство.

б) *Совокупность преступлений.* С учетом предписаний ч. 5 ст. 69 УК РФ,

законодательная формула совокупности (ч. 1 ст. 17 УК РФ) представляется не точной и не в полной мере отвечает реальному объему деяний, который признается законом совокупностью. Правильней говорить о совокупности не как о ситуации совершения двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, а как о ситуациях, когда субъектом совершено несколько преступлений, ни за одно из которых не отбыто наказание. Исходя из этого, совокупность преступлений следует усматривать в трех основных случаях:

а) лицо совершает несколько преступлений и привлекается к ответственности сразу за все эти деяния;

б) после вынесения приговора становится известным о том, что до этого лицо совершило еще одно или несколько преступлений;

в) после вынесения приговора лицо совершает одно или несколько новых преступлений.

Первые две ситуации относительно просты: лицо, не имеющее судимости, впервые совершает нескольких преступлений. Тот факт, что какие-то из них были выявлены и расследованы ранее других, не меняет правовой и социальной оценки ситуации. Совершенно иной вид совокупности имеет место в случаях, когда лицо совершает одно или несколько новых преступлений после вынесения приговора за ранее совершенное преступление или преступления. В законе для этих целей разработаны положения о совокупности приговоров. Единственно возможное теоретическое объяснение наличия этой конструкции состоит в следующем. При совокупности преступлений возникает необходимость сложения наказаний, ни одно из которых не отбыто, а следовательно, и не оказало на виновного исправительного воздействия; суд здесь изначально определяет окончательную меру воздействия на преступника за все преступления сразу. А потому он обладает большей свободой в выборе оптимального вида и размера наказания. Что касается совокупности приговоров, то здесь суд находится в стесненных рамках. Он, во-первых, не вправе корректировать приговор по первому преступлению в части его сроков и размеров; во-вторых, обязан учесть уровень исправительного воздействия первого приговора на преступника; в-третьих, не

может, просто в силу законов разума и гуманизма, ограничиться простым и полным сложением назначенных наказаний.

Однако реальность такова, что все эти различия на практике не имеют существенного значения. И при совокупности преступлений, и при совокупности приговоров реально применяются два принципа определения итогового наказания: поглощения и сложения. В первом случае различий в объемах наказания быть в принципе не может. Во втором случае они существуют только для одного вида наказания – лишения свободы. Представляется, этого явно недостаточно для того, чтобы создавать два различных порядка определения наказания и тем более для того, чтобы, исходя из этого, усматривать в совокупности приговоров самостоятельную форму множественности. Положения о совокупности приговоров целесообразно исключить из действующего законодательства и рассматривать это сочетание преступлений в одном ряду с совокупностью преступлений.

С учетом этого в работе определены следующие перспективы развития положений о совокупности преступлений:

- если лицо совершило несколько преступлений до осуждения хотя бы за одно из них, содеянное рассматривается как ординарная совокупность преступлений с применением стандартных процедур назначения наказания;

- если лицо совершило второе преступление после провозглашения, но до вступления в силу приговора за первое преступления, содеянное следует также рассматривать как совокупность преступлений; назначать в обычном порядке наказание за второе преступление, а затем, руководствуясь едиными правилами «поглощения – сложения», определять итоговое наказание;

- если лицо совершило второе преступление после вступления в силу приговора за первое преступление, то признав или не признав лицо рецидивистом, и соответственно, применив или не применив к назначению наказания за второе преступление специальные правила, все совершенные деяния (первое и рецидивное) следует рассматривать как совокупность преступлений и применять единые стандартные правила определения итогового наказания.

Для познания и оценки совокупности преступлений большое значение имеет характеристика совершенных деяний: являются ли они однородными или разнородными. Представляется, что специализация лица на совершении однотипных деяний в большей степени отражает перепады в оценке опасности личности, свидетельствует о его криминальной профессионализации.

С учетом изложенного классификация совокупности преступлений на тождественную (однородную) и разнородную должна быть положена в основу дифференциации оценки личности виновного. Техническим приемом, позволяющим отразить этот факт непосредственно в законе, может стать соответствующее отягчающее уголовное наказание обстоятельство («специализация лица на совершении тождественных или однородных преступлений»).

Далее в диссертации анализируются актуальные проблемы понимания и квалификации множественности преступлений согласно действующему УК РФ. По итогам исследования формулируется ряд выводов:

1. Множественность в уголовном праве образуют только и исключительно преступления. В этой связи в работе рассматривается вопрос о преступлениях с административной преюдицией, которые некоторыми специалистами позиционируются в качестве учтенной законодателем множественности (В.К. Дуюнов). Конструкция составов с административной преюдицией сегодня не может рассматриваться вне контекста анализа проблем объема уголовного права и сформулированной Европейским судом по правам человека концепции «уголовно-правовой сферы», которая охватывает собой и, собственно, уголовно противоправные поступки, а также иные виды правонарушений. Если признавать самостоятельность и принципиальные различия в правовой природе административных правонарушений и преступлений, то должно быть очевидным, что количество совершенных проступков не может привести к изменению их качества и перерастанию двух или более административных правонарушений в преступление. Если же допустить наличие единой правовой природы административных правонарушений и преступлений, то проблема административной преюдиции трансформируется в проблему нормативной регламентации ответственности за

множественность правонарушений. В этом случае феномен, именуемый сегодня «преступлением с административной преюдицией» (единичное сложное преступление), трансформируется в преступление, совершенное неоднократно (множественность преступлений). Однако учитывая, что законодатель отказался от конструкции неоднократности, возврат к ней в новых условиях нецелесообразен.

2. При решении вопроса о наличии множественности преступлений характеристики личности виновного не имеют значения, поскольку наказанием в этом случае облагается лишь одно преступление. В связи с этим в диссертации дается критическая оценка практик использования в качестве квалифицирующего признака состава преступления факта наличия предшествующей судимости у лица, совершившего преступление (ч. 5 ст. 131 УК РФ, ч. 5 ст. 132 УК РФ, ч. 6 ст. 134 УК РФ, ч. 5 ст. 135 УК РФ).

3. Множественность необходимо отличать от преступлений, объективная сторона которых содержит описание нескольких деяний, которые сами по себе не являются правонарушением (ст. 145.1 УК РФ, ст. 127.1 УК РФ и другие составы УК РФ). Однако, множество действий может признаваться формой выражения единого общественно опасного деяния лишь в том случае, если все действия отражают единый умысел (или единую неосторожность) виновного. В противном случае, если действие субъекта «выбивается» из этого общего субъективного и причинного ряда, оно не может рассматриваться в качестве элемента деяния. Отсюда выводится важное правило законодательной техники: при описании объективной стороны состава преступления в диспозиции статьи Особенной части УК РФ посредством указания на некоторое множество действий, всегда дополнительно описывать цель и (или) последствие. Соблюдение этого правила позволит правильно решить вопрос о возможности признания преступлением единичного акта поведения в ситуации, когда в уголовно-правовой норме деяние описано с использованием грамматических конструкций множественного числа. Если состав преступления сконструирован по типу материального, то вне зависимости от того, одно или несколько деяний выполнено субъектом, содеян-

ное может квалифицироваться в качестве преступления при наличии указанного в законе последствия. В ситуации, когда состав преступления сконструирован по типу формального, остается только один признак – субъективный, отражающий единство умысла и цель действий виновного. Но в таком случае для возложения ответственности на виновного в обязательном порядке требуется выполнение им нескольких действий. Признание преступлением одного действия не соответствует требованиям УК РФ и правилам квалификации преступлений.

4. Множественность следует отличать от ситуаций совершения преступления в отношении двух или более лиц. Обстоятельством, исключающим совокупность, в данном случае следует признавать не сам по себе факт наличия нескольких потерпевших и квалифицирующего признака «совершение преступления в отношении двух или более лиц», а характеристику субъективной стороны совершенного деяния: единство умысла и единство мотива. Единство преступных намерений является в данном случае признаком, отграничивающим совокупность от единого преступления. Следовательно, в некоторых случаях даже при наличии соответствующего квалифицирующего признака совершение преступления в отношении двух или более лиц может образовывать множественность; в тоже время совокупность может отсутствовать и в ситуации, когда состав преступления не содержит данного квалифицирующего признака.

5. Существенная группа теоретико-прикладных проблем при квалификации множественности преступлений связана с рассмотрением преступной деятельности виновного лица как процесса, имеющего протяжение во времени и в пространстве. Динамика криминальной деятельности в приложении к проблеме множественности преступлений обуславливает необходимость правовой оценки нескольких ситуаций:

а) В процессе подготовки к «основному» преступлению лицо совершает преступления «дополнительные». Здесь допустимы две ситуации. Во-первых, преступная деятельность лица может быть разбита на ряд изолированных во времени этапов (стадий). В данном случае правило квалификации известно: последовательно выполненные стадии одного и того же преступления не образуют

множественности. Вторая ситуация более сложная и характеризуется тем, что приготовительные действия к совершению «основного» преступления рассматриваются законом в качестве иного оконченного преступления. В этом случае вопрос о наличии множественности должен решаться с учетом сравнительной тяжести «основного» и «промежуточного» преступления.

б) В процессе совершения преступления лицо меняет первоначальные параметры умысла и совершает иное преступление. Верное решение ситуации видится на основе адекватного учета научных положений о динамике субъективной стороны преступления. Важно понимать, что, будучи признаком состава, умысел не имеет динамики. Динамика присуща лишь реальной психической деятельности субъекта. В этой связи перерастания одного умысла в другой быть не может по определению. Если психическая деятельность лица во время совершения общественно опасного деяния непрерывна, то ее оценка с точки зрения соответствия тому или иному составу преступления (иным словами, умысел), дискретна. Исходя из этого, в деятельности, которая начата с одного преступления, и затем переросла в другое (как правило, более тяжкое) преступление, следует фиксировать два психических отношения субъекта: отношение к начавшейся деятельности и отношение к завершенной деятельности. В тот момент, когда одно преступление перерастает в другое, первый умысел отпадает и появляется умысел второй; одно преступное деяние завершается и начинается другое. При этом первоначальное преступление не доводится до конца по воле или, в зависимости от обстоятельств, помимо воли действующего субъекта. Именно это обстоятельство – причины не доведения первого преступления до конца – и необходимо учитывать при решении вопроса об уголовно-правовой оценке содеянного. Если первоначальное преступление прерывается по воле действующего субъекта, то ситуацию необходимо оценивать с учетом положений ст. 31 УК РФ. В этом случае, будет иметь место добровольно оставленное первоначальное преступление и совершенное с внезапно возникшим умыслом второе. Иной подход к оценке ситуаций, при которых первоначальное преступление не доводится до конца по обстоятельствам, не зависящим от воли субъекта. Исходя из общих правил, в

данном случае требуется оценка содеянного по совокупности преступлений: как неоконченного первоначального преступления и оконченного второго.

в) Продолжая преступную деятельность по окончании одного преступления, лицо совершает другое преступление в отношении того же предмета (потерпевшего). Правильному решению ситуации призван служить акцентированный анализ содержания объекта посягательства. Последующие действия, направленные на объект, которому уже причинен вред, не требуют дополнительной правовой оценки при условии, если: а) совершаемые действия не обладают общественной опасностью и не предусмотрены законом в качестве преступления; б) субъект выполняет тождественные действия, приводящие к причинению тождественных последствий; в) совершаемые субъектом действия менее опасны чем те, которые уже реально выполнены виновным. В остальных случаях последующая деятельность требует самостоятельной оценки. В частности, если: а) действиями субъекта причиняется вред иному объекту посягательства; б) в отношении того же объекта совершаются нетождественные действия; в) в отношении того же объекта совершаются преступные действия, которые оцениваются законодателем как более опасные, нежели те, которые уже выполнены, при условии, что умысел на их совершение не был изначально и не позволяет рассматривать первоначальное преступление как этап его реализации.

В заключении приводятся выводы по итогам исследования.

Основные положения диссертации опубликованы:

I. В статьях, размещенных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

1. Досаева, Г.С. Лицо, отбывающее или отбывшее наказание, как признак рецидива преступлений / Г.С. Досаева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 10. – С. 107 – 111 (0,2 п.л.).
2. Досаева, Г.С. Сложное деяние как признак объективной стороны преступления: некоторые вопросы теории и практики / Г.С. Досаева // Юридический

- вестник ДГУ. – 2016. – № 4. – С. 170 – 174. [Электронный ресурс]: URL: <http://jurvestnik.dgu.ru> (дата обращения 18.11.2016 г.) (0,5 п.л.).
3. Досаева, Г.С. Структура института множественности преступлений: состояние и перспективы / Г.С. Досаева // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 4. – С. 54 – 63 (0,8 п.л.).
 4. Досаева, Г.С. Перспективы совершенствования норм о рецидиве преступлений / Г.С. Досаева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2015. – № 3. – С. 99 – 107 (0,5 п.л.).
 5. Досаева, Г.С. Актуальные проблемы квалификации множественности преступлений / Г.С. Досаева // Российское правосудие. – 2015. – № 1. – С. 69 – 85 (1,3 п.л.).
 6. Досаева, Г.С. К вопросу о множественности преступлений / Г.С. Досаева // Российская юстиция. – 2014. – № 10. – С. 18 – 21. (0,3 п.л.).
 7. Досаева, Г.С. Перспективы совершенствования теории и нормативной регламентации совокупности преступлений / Г.С. Досаева // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 28. – С. 8 – 13 (0,4 п.л.).
 8. Досаева, Г.С. Социально-криминологическая характеристика множественности преступлений / Г.С. Досаева // Библиотека криминалиста. Научный журнал – 2014. – № 6. – С. 188 – 197 (0,8 п.л.).
 9. Досаева, Г.С. Социальные и криминологические основания института множественности преступлений / Г.С. Досаева // Общество и право. – 2014. – № 4. – С. 97 – 103 (0,5 п.л.).
 10. Досаева, Г.С. Нормативная и теоретическая оценки множественной преступной деятельности в законодательстве советской России 20-х годов прошлого века / Г.С. Досаева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 1 (32). – С. 81 – 89 (0,8 п.л.).
 11. Досаева, Г.С. Развитие учения о множественности преступлений в русской уголовно-правовой науке второй половины XIX века / Г.С. Досаева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 12. – С. 69 – 76. (0,7 п.л.).

12. Досаева, Г.С. О некоторых уголовно-правовых и процессуальных аспектах привлечения к уголовной ответственности за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта / Г.С. Досаева, В.Ю. Водяная, Е.В. Серегина // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 11. – С. 61 – 69 (0,5 п.л. / 0,2п.л.).
13. Досаева, Г.С. Трансформация концептуальных основ законодательных оценок множественной преступной деятельности в России XV – XVIII столетий / Г.С. Досаева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 11. – С. 49 – 56 (0,7 п.л.).
14. Досаева, Г.С. Уголовно-правовые предпосылки усиления ответственности за множественную преступную деятельность в России X – XV веков / Г.С. Досаева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 10. – С. 70 – 77 (0,7 п.л.).
15. Досаева, Г.С. Первые опыты теоретической интерпретации множественности преступлений в русской уголовно-правовой науке / Г.С. Досаева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 9. – С. 81 – 85 (0,5 п.л.).
16. Досаева, Г.С. Категория «особо опасный рецидивист» в уголовном праве России середины XX века / Г.С. Досаева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 4. – С. 107 – 109 (0,2 п.л.).
17. Досаева, Г.С. Институциональное оформление множественности преступлений в Своде законов Российской империи 1832 года / Г.С. Досаева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 1. – С. 91 – 94 (0,3 п.л.).
18. Досаева, Г.С. Практика применения освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / Г.С. Досаева // Юристы-Правоведь. – 2010. – № 3. – С. 33 – 36 (0,3 п.л.).

19. Досаева, Г.С. Проблемы соответствия принципов неотвратимости ответственности и справедливости при освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием / Г.С. Досаева // Юрист-Правоведь. – 2010. – № 1. – С. 38 – 42 (0,25 п.л.).

II. В иных научных изданиях:

20. Досаева, Г.С. Совершение двух и более преступлений как признак множественности / Г.С. Досаева // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции, 26 ноября 2015 г. / под ред. Ю.Е. Пудовочкина, А.В. Бриллиантова. – М.: РГУП, 2016. – С. 214 – 222 (0,5 п.л.).
21. Досаева, Г.С. Принципы уголовно-правового института множественности преступлений / Г.С. Досаева // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики [Электронный ресурс, дата запроса 18.11.2016г.]: материалы всероссийской научно-практической конференции. Электрон. дан. Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2015. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 352 – 357 (0,3 п.л.).
22. Досаева, Г.С. О некоторых статистических аспектах исследования множественности преступлений / Г.С. Досаева // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью: материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции (Северо-Кавказский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», 22 мая 2015 г.). – Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2016. – С. 156 – 164 (0,4 п.л.).
23. Досаева, Г.С. К вопросу о нормативной достаточности института множественности преступлений / Г.С. Досаева // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Международной научно-практической конференции, 25 сент. 2015 г.: в 2 т. / под ред. А.В. Симоненко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – Т. II. – С. 26 – 30 (0,3 п.л.).

24. Досаева, Г.С. Перспективы совершенствования норм о рецидиве преступлений / Г.С. Досаева // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2015. – № 2. – С. 48 – 57 (0,6 п.л.).
25. Досаева, Г.С. Множественность преступлений: генезис и перспективы развития уголовно-правового института / Г.С. Досаева. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 248 с. (15 п.л.).
26. Досаева, Г.С. Становление института множественности преступлений в уголовном праве России / Г.С. Досаева. – Ростов-на-Дону: Дониздат, 2014. – 147 с. (7,4 п.л.).
27. Досаева, Г.С. Проблемы квалификации множественности преступлений / Г.С. Досаева // Полицейская деятельность. – 2014. – № 5. – С. 432 – 440 (0,6 п.л.).
28. Досаева, Г.С. Рецидив преступлений: опыт документального исследования / Г.С. Досаева // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: материалы Второй Всерос. науч.-практ. конф., 22 октября 2014 г. / под ред. А.В. Бриллиантова, Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2014. – С. 202 – 207 (0,2 п.л.).
29. Досаева, Г.С. Перспективы совершенствования норм о рецидиве преступлений / Г.С. Досаева // Проблемы Российской уголовной политики: материалы V Международной. Научно-практической конференции, 3–5 октября 2014 г. / под ред. А.Н. Ильяшенко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2014. – С. 180 – 193 (0,7 п.л.).
30. Досаева, Г.С. О принципах множественности преступлений как институте уголовного права / Г.С. Досаева // Актуальные проблемы уголовного права, уголовно-процессуального права и уголовно-исполнительного права. Теория и практика. Материалы 3 международной научно-практической конференции, 16–17.04.2014 г. – Тамбов: Тамбов. гос. ун-т, 2014. – С. 102 – 107 (0,3 п.л.).
31. Досаева, Г.С. Социально-криминологические и теоретико-правовые основания института множественности преступлений / Г.С. Досаева. – М.: Илекса, 2013. – 112 с. (10 п.л.).

32. Досаева, Г.С. Проблемы рассмотрения уголовных дел о налоговых преступлениях в суде первой инстанции / Г.С. Досаева // Предварительное следствие. – 2011. – № 2, выпуск 2 (12). – С. 82 – 94 (1,4 п.л.).
33. Досаева, Г.С. Множественность преступлений в уголовном праве России: историко-правовой анализ / Г.С. Досаева. – Ростов-на-Дону: ЗАО «Ростиздат», 2011. – 78 с. (5,4 п.л.).
34. Досаева, Г.С. Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях. Комментарий к ст. 87 – 102; вопросы для изучения; список рекомендуемых дополнительных источников и литературы / Г.С. Досаева // Постатейный учебный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу РФ: по состоянию на 01.09.2008 г. / под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. – М.: Илекса, 2008. – С. 325 – 368 (1,5 п.л.).
35. Досаева, Г.С. Некоторые проблемы совершенствования законодательных норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / Г.С. Досаева // Научные труды ученых – юристов Северо-Кавказского региона. Выпуск 3. Краснодар: Изд-во Краснодарской академии МВД России, Южного института менеджмента, 2004. – С. 138 – 143 (0,3 п.л.).
36. Досаева, Г.С. Некоторые особенности применения к несовершеннолетним освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и заглаживании вреда / Г.С. Досаева // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник материалов третьего всероссийского «круглого стола». – Ростов-на-Дону: Изд-во РЮИ МВД России, 2004. – С. 294 – 299 (0,5 п.л.).
37. Досаева, Г.С. Соотношение института примирения с потерпевшим с изменением обстановки и освобождением от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности / Досаева Г.С. // Научные труды ученых – юристов Северо-Кавказского региона. Выпуск 5. Краснодар: Изд-во Краснодарской академии МВД России, 2004. – С. 188 – 195 (0,3 п.л.).

38. Досаева, Г.С. Цели наказания и цели освобождения от уголовной ответственности: проблемы достижения при применении института примирения с потерпевшим / Г.С. Досаева, Н.Г. Осадчая // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник материалов. – Ростов-на-Дону: Изд-во РЮИ МВД России, 2004. – С. 339 – 344 (0,5 п.л./ 0,25 п.л.).

III. В учебных изданиях:

39. Досаева, Г.С. Квалификация отдельных видов преступлений. Рабочая программа для магистрантов очной и заочной форм обучения (направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, уголовно-правовой профиль) / Г.С. Досаева, О.Г. Кавелина. – Ростов-на-Дону: РФ ФГБОУВПО «РАП», 2014. – 43 с. (3,2 п.л. /1,6 п.л.).
40. Досаева, Г.С. Квалификация отдельных видов преступлений. Учебно-методический комплекс для магистрантов очной формы обучения (направление подготовки 030900.68, уголовно-правовой профиль) / Г.С. Досаева, О.Г. Кавелина. – Ростов-на-Дону: РФ ФГБОУВПО «РАП». – 2013. – 64 с. (5 п.л. / 2,5 п.л.).
41. Досаева, Г.С. Квалификация отдельных видов преступлений. Учебно-методический комплекс для магистрантов заочной формы обучения (направление подготовки 030900.68, уголовно-правовой профиль) / Г.С. Досаева, О.Г. Кавелина. – Ростов-на-Дону: РФ ФГБОУВПО «РАП». – 2013. – 73 с. (5,4 п.л./ 2,7 п.л.).
42. Досаева, Г.С. Уголовная политика. Учебно-методический комплекс для магистрантов очной формы обучения (направление подготовки 030900.68, уголовно-правовой профиль) / Г.С. Досаева, Е.В. Серегина. – Ростов-на-Дону: РФ ФГБОУВПО «РАП». – 2012. – 73 с. (5 п.л./ 2,5 п.л.).
43. Досаева, Г.С. Уголовная политика. Учебно-методический комплекс для магистрантов заочной формы обучения (направление подготовки 030900.68, уголовно-правовой профиль) / Г.С. Досаева, Е.В. Серегина. – Ростов-на-Дону: РФ ФГБОУВПО «РАП». – 2012. – 77 с. (6 п.л./ 3 п.л.).

44. Досаева, Г.С. Доказательства и доказывание в уголовном процессе. Подготовка к судебному заседанию. / Г.С. Досаева // Профессиональная переподготовка впервые избранных мировых судей: обучение и стажировка. Учебно-методическое пособие. Глава 22, 23. – Ростов-на-Дону: Ростовский областной суд, РФ ГОУ ВПО РАП, Ростовский филиал. – 2011. – С. 336 – 377 (3,6 п.л.).